

История Куртизанок

Элизабет Эбботт

Элизабет Эбботт
История куртизанок

«Этерна»

2003

Эбботт Э.

История куртизанок / Э. Эбботт — «Этерна», 2003

Книга канадской писательницы и историка Элизабет Эббот «История куртизанок» посвящена женщинам, связавшим свою жизнь с женатыми мужчинами – от самой первой известной из письменных источников любовницы – Агари, египетской рабыни, о которой в Библии сказано, что она была близка с Авраамом, наложниц в Китае и гейш в Японии до современных куртизанок на протяжении всей известной истории таких отношений.

© Эбботт Э., 2003

© Этерна, 2003

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1	13
Агарь	14
Аспазия ²	17
Коринна ⁵	22
Долороза ¹⁰	30
ГЛАВА 2	36
НАЛОЖНИЦЫ В КИТАЕ ¹	37
Юйфан	40
Мэй-Йин ⁵	41
НАЛОЖНИЦЫ В ЯПОНИИ ⁶	45
Дама Нидзё ⁹	47
ГЕЙШИ	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Элизабет Эбботт

История куртизанок

Памяти моей тети Маргарет Эббот Камерон, первой женщины в Канаде, участвовавшей в автомобильных гонках

ВВЕДЕНИЕ

Встречи с любовницами

О любовницах я знала еще тогда, когда была маленькая, потому что мой прадед – Стивен Адельберт Григгс, весьма обеспеченный пивовар из Детройта и политический деятель муниципального масштаба, – имел квартиру, которую моя мама презрительно называла любовным гнездышком. Там, сменяя друг друга, жили женщины легкого поведения. Прабабушке моей, Минни Лэнгли, приходилось с этим мириться, но отнюдь не безвозмездно: когда Стивен дарил своей очередной любовнице бриллиант, такой же драгоценный камень он был обязан купить прабабушке. Вот так «любовное гнездышко» прадедушки стало для прабабушки источником доходов в виде колец, серег, брошей и множества других драгоценностей, которые впоследствии Минни завещала своим потомкам по женской линии.

Мой прадед Стивен шел путем, проторенным задолго до него. Я поняла это, когда выросла и встретила с настоящими любовницами и их партнерами. С первой из них я познакомилась летом, после окончания первого курса университета. Ею оказалась молодая женщина, поделившаяся со мной отчасти восхитительным, но преимущественно пошлым и достаточно жалким опытом запретной любви. Катерина была экстравагантной немкой из Восточной

Германии с томным взглядом миндалевидных глаз. Ей удалось сбежать в Западный Берлин за две недели до окончания школы. Поэтому можно сказать, что за обретенную свободу Кати пришлось расплатиться аттестатом зрелости. Она исполняла обязанности воспитательницы, точнее говоря, была в какой-то степени привилегированной няней в той же семье, которая на время летних каникул наняла меня на работу в принадлежащий ей дом отдыха в Истерн Тауншипс (область на юго-востоке Квебека). Несмотря на протесты моих родителей – а может быть, именно в силу этого, – у нас с ней сложились доверительные, хоть и немного странные отношения. Худое, загорелое, плоскогрудое тело Кати, которое она с гордостью демонстрировала, нарочно опуская до предела бюстгальтер купальника без бретелек; ее крашенные в рыжий цвет длинные распущенные волосы, которые чуть не достигали колен; гортанный голос с сильным акцентом, превращавший меня в Элисабесс или, ради краткости, в Бесс, – все это мои родители считали воплощением вульгарности, а я воспринимала как нечто изысканное и утонченное.

В то первое лето Кати еще не сделалась любовницей. На самом деле ей очень хотелось стать женой, и она собиралась выйти замуж за Чарльза, офицера Канадской королевской конной полиции, приезжавшего к ней в длинном белом «кадиллаке» с откидывающимся верхом. Но после того, как Чарльз внезапно отменил их бракосочетание, жизнь Кати, и без того лишенная стабильности, совсем распалась на куски. Вскоре после этого я вернулась в Монреаль продолжать учебу на втором курсе университета.

Спустя несколько месяцев Кати вновь вторглась в мою жизнь: она позвонила мне и чуть ли не со слезами попросила привезти ей какой-нибудь еды. Деньги у нее есть, пояснила Кати, но она временно не может встать с постели и сходить в магазин. Кати жила на мизерном содержании состоятельного женатого адвоката в обшарпанной съемной комнатенке, неохотно сданной ему для свиданий другим жильцом. Неожиданно она поняла, что забеременела.

Я купила Кати продукты, исполнив ее просьбу. Мой скромный дар, как выяснилось впоследствии, оказался единственным источником питания, поддержавшим ее после того, как ей сделали аборт. Ей пришлось все переносить в одиночестве, поскольку врач, сделавший операцию, осмотрительно порекомендовал Кати никому об этом не сообщать. Я пыталась вывести ее из состояния глубокой депрессии, в котором она пребывала после аборта, но некоторое время спустя жизнь каждой из нас вернулась в привычное русло.

С годами я виделась с Кати все реже и реже. Последний раз мы встретились на горном озере в квебекских Лорентидах. Она сидела на носу быстроходного катера, ее восхитительными длинными волосами играл ветер. Я окликнула ее и помахала рукой. Стоявший у руля мужчина снизил скорость катера и подвел его к моей небольшой лодке. Кати, как мне показалось, была удивлена, даже напугана нашей встречей, она сразу же приложила палец к губам, как будто хотела дать мне понять, чтобы я не дискредитировала ее в глазах гламурных спутников. Я все поняла, сказала ей пару приветственных слов и улыбнулась на прощание. Больше я ее никогда не видела, но слышала, что она вышла замуж и вскоре развелась. Спустя годы, когда кто-нибудь заговаривал о любовницах, воображение рисовало мне образ Кати.

Я жила на Гаити, когда встретила с Гислен Жёди, любовницей человека, который вернулся на остров после нескольких десятилетий жизни в Соединенных Штатах. В Нью-Йорке Жером Констан сделал себе состояние, занимаясь разными видами рэкета, однако в Порт-о-Пренс он явился в облике респектабельного бизнесмена. Платяной шкаф Констан был набит белыми льняными костюмами, в ларце у него хранилась масса золотых безделушек, но главным его приобретением, которое наполняло его сердце счастьем и гордостью, стала Гислен – его смуглокожая, блондинистая, развязная любовница средних лет. Гислен, конечно, была привлекательна, и в Гаити, бедной и голодающей стране, ее аппетитные формы выглядели соблазнительно и чувственно. Незадолго до нашей встречи она перешла в евангелическое христианство и с тех пор при каждом удобном случае – естественно, за исключением тех ситуаций,

когда затрагивалось ее положение любовницы женатого мужчины, – не упускала возможности щегольнуть афоризмами из Священного Писания.

На деле Жером Констан не собирался разводиться с женой, какие бы напасти ни грозила наслать на него любовница. Материальное благополучие Гислен было обеспечено лишь постольку, поскольку длилась его к ней любовь. Прекрасно это понимая, Гислен делала все возможное, чтобы капиталовложения любовника в ее благополучие компенсировали ее уязвимость. Помимо того что он обеспечивал ее одеждой, дарил ювелирные украшения и брал в путешествия в разные страны, Констан построил для Гислен дом; он также оказывал значительную материальную поддержку ее взрослой дочери и предоставлял любовнице возможность тратить немалые суммы денег. Несмотря на сетования по поводу того, что она ему слишком дорого обходится, он обожал Гислен и очень гордился их связью.

Одной из главных причин привлекательности этой дамы была насыщенная история ее сексуальных походов. В начале 1960-х годов Гислен стала первой привилегированной мулаткой, которая вступила в связь с одним из тонтон-макутов, вооруженных головорезов Франсуа Дювапье – Папы Дока, – служивших в гражданской милиции, созданной гаитянским диктатором с целью обезопасить себя от собственной армии и других потенциальных врагов. Гислен не знала, что такое стыд, и никогда не раскаивалась в том, что утешала этих бандитов, преследовавших других мулатов (и всех остальных, кого они подозревали в нелояльности к их пожизненному лидеру). Но, независимо от того, с каким презрением другие относились к Гислен, Констан восхищался ее бравадой, дурной репутацией, красотой и неизменной (хоть отнюдь не бескорыстной) преданностью ему. Даже когда у него возникли проблемы со здоровьем и он утратил мужскую силу, его отношения с Гислен оставались для него настолько важными, что он и не думал их прерывать. «Ее чувства совпадают с моими», – так он объяснял лишнюю чувственность связь с любовницей.

Я никогда не была близка с Гислен, но даже после возвращения в Северную Америку порой вспоминала ее, задумываясь над тем, как умело она использовала эмоциональное воздействие на любовника ради собственной выгоды. И все же не Гислен и не давняя моя приятельница Кати вдохновили меня на то, чтобы написать о любовницах. При работе над книгой «История целибата» у меня возникла мысль о том, что связи с любовницами, как и обязательное безбрачие католического духовенства, являются тем фактором, сквозь призму которого можно исследовать вопрос о внебрачных связях женщин с мужчинами. И в конце 1990-х годов, еще не завершив работу над «Историей целибата», я начала заниматься исследованиями, связанными с книгой, которая позже вышла из печати под названием «История куртизанок».

Как-то внезапно мне бросилось в глаза, что в книгах, которые я читала, в повседневных новостях – всюду шла речь о любовницах. Я принялась составлять списки и делать выписки, пытаюсь понять природу внебрачных любовных отношений. Списки мои постоянно росли в объеме и множились. К числу наиболее ярких персонажей, попавших в мои записи благодаря прочитанным книгам и газетам, можно отнести Фиделя Кастро и Селию Санчес, его помощницу и любовницу. А также оперную певицу Марию Каллас и греческого судового магната, миллиардера Аристотеля Онассиса. И Вики Морган, любовницу Альфреда Блумингдэйла, одного из богатейших бизнесменов США, послужившую Доминик Данн прототипом главной героини ее романа «Неудобная женщина», который был экранизирован в 1991 г. И конечно, президента Франции Франсуа Миттерана, у гроба которого после его кончины в 1996 г. рядом стояли жена и любовница.

Работа над книгой была уже в самом разгаре, когда три любовницы раскрыли тайну отношений со своими партнерами, пожелав в судебном порядке взыскать с них деньги, на которые предъявили свои права. После смерти американского журналиста Чарльза Курапта в 1997 г. его двадцатидевятилетняя любовница Патрисия Шэннон обратилась в суд, претендуя на часть его наследства, и выиграла дело. В 2000 г. Грейс Луи, бывшая любовница мэра Торонто Мела

Ластмана, заявила, что он – отец ее сыновей Кима и Тодда (они были очень похожи на мэра). В 2001 г. юрист Кэрин Стэнфорд выиграла дело об алиментах: суд обязал священника Джесси Джексона, от которого она родила дочь Эшли двумя годами ранее, выплачивать средства на содержание девочки.

Даже президенты и принцы не могут устоять против обуревающих их страстей и заводят любовниц, несмотря на то что связи на стороне могут опозорить их, получив широкую огласку в газетах и других средствах массовой информации. У президента Дуайта Эйзенхауэра была весьма специфическая «подруга» – англичанка по имени Кей Соммерсби. Джон Фитцджеральд Кеннеди имел связи со многими женщинами, включая кинозвезду Мэрилин Монро. Хоть история президента Билла Клинтона и незабываемой сотрудницы Белого дома Моники Левински по значимости сопоставима со скандальной связью английского принца Чарльза и Камиллы Паркер-Боулз, последний роман длился гораздо дольше. Когда я взялась писать эту книгу, принц вызывал всеобщую неприязнь. Лишь несколько лет спустя его репутация стала понемногу восстанавливаться по мере того, как он сам и его эксперты по связям с общественностью не без некоторого успеха попытались изменить в лучшую сторону отношение к его многолетней любовнице, делая из нее подходящую кандидатуру для вхождения в королевское семейство.

Годы исследований и откровения состоявших в долговременной внебрачной связи мужчин и женщин – представителей как верхов, так и низов общества – притупили мое восприятие супружеской неверности и изменили отношение к этой проблеме. Я стала больше внимания уделять структуре подобных отношений и присущим им общим чертам. Особенно меня интересовало то, как связи с любовницами сказывались на природе брака и отношениях между мужчинами и женщинами в разные исторические эпохи в культурах разных народов. После долгих раздумий я решила, что было бы неверно относиться к любовным связям вне брака как к некоему общественному институту. Более плодотворным мне показался такой подход, при котором на конкретных примерах рассматривается опыт любовниц, позволяющий осветить истории отношений между мужчинами и женщинами в обществах разных эпох. Объединяя любовниц по категориям, отражающим особенности разных культур и исторических периодов, я смогла отобразить присущие этим культурам и временам обстоятельства. Мне также удалось сделать выводы о специфике восприятия данными обществами того явления, которое олицетворяли собой любовницы, и о том, как мужчины и женщины вели совместную жизнь в разные времена. Результатом такого подхода к собранному материалу стала книга, которую я назвала «История куртизанок».

С самого начала исследований я много размышляла и уделяла большое внимание тому, как интерпретировать собранный материал. При этом меня постоянно смущал вопрос определений. Трактовки классических словарей оказывались не очень полезными, особенно по мере того, как мне становилось ясно, что в этой книге восточные наложницы занимают такое же место, как и западные любовницы. В «Новом кратком оксфордском словаре английского языка» любовница характеризуется как «женщина, отличная от жены, с которой мужчина состоит в длительных сексуальных отношениях», а наложница – как «женщина, которая сожительствует с мужчиной, но не является его женой». Эти формулировки настолько расплывчаты, что пользы от них немного, а в последнем определении не проводится различия между наложницей и сожительницей и не дается четкого представления о восточных наложницах, которые нередко – хотя, конечно, не всегда – жили под одной крышей со своим любовником-хозяином и его семьей. Другая проблема состоит в том, что в западном обществе слова «любовница» и «сожительница» часто используются как синонимы. В «Истории куртизанок» в качестве рабочего определения женщины, которая добровольно или по принуждению вступает в достаточно долговременные сексуальные отношения с мужчиной, не являющимся ее мужем, я решила

использовать термин «любовница». Такое определение применимо и к наложницам, специфические отличия которых описаны ниже в разделах, посвященных соответствующим культурам.

Отношения между любовниками неразрывно связаны с браком, наиболее важным институтом человеческого общества, так что они почти автоматически подразумевают супружескую неверность, виновником которой иногда является муж, а иногда жена. И действительно, брак представляет собой основной показатель, позволяющий определить, кто является любовницей, а кто нет. Хотя многие полагают, что супружеские измены подрывают брак, другие – как ни парадоксально – считают, что они укрепляют отношения между супругами. Французы, например, могут оправдать *cinq à sept*¹ – свидания после окончания рабочего дня, во время которых мужчина встречается со своей любовницей, о чем французский писатель Александр Дюма как-то метко заметил: «Цепи брачных уз настолько тяжелы, что нести их часто под силу лишь двум людям, а иногда и трем».

Связь между браком и внебрачными любовными отношениями, как и сожителство, характерное для некоторых восточных стран, чрезвычайно широко распространена в пространстве и времени, это свойственно почти каждой крупной культуре. Британский миллиардер сэр Джимми Голдсмит, рядом с которым в последний его день находились супруга, бывшие жены и любовницы, однажды произнес ставшее широко известным замечание о том, что, «как только мужчина женится на любовнице, он автоматически создает новое рабочее место». Неудивительно, что жителям Северной Америки лучше знакомы западные модели внебрачных любовных отношений, чем обычаи восточного мира с присущими им различными более разработанными версиями, в частности наличием узаконенных наложниц и гаремов.

Во всех обществах во все времена предпосылкой создания условий для внебрачных любовных связей и наличия наложниц был обычай заключения договорных браков. При этом родители или другие родственники выбирали детям супругов по экономическим соображениям или с целью упрочения семейных связей – либо, исходя из интересов деловых или политических союзов, они игнорировали романтическую любовь как несущественную, потворствующую прихотям, а порой даже опасную основу супружеских отношений. Предполагалось, что мужа и жены будут жить вместе и действовать как единая экономическая ячейка, рожая и воспитывая детей. Никого не волновало, будут ли они трепетать от прикосновения друг к другу, любить друг друга до беспамятства или стремиться жить так, чтобы сердца их бились в унисон.

Конечно, иногда случалось и так, что после заключения брачного союза по договору между супругами возникали романтические отношения. Но чаще при таком подходе в лучшем случае можно было рассчитывать на взаимную заботу, терпение, смирение, и большинство браков, заключенных на таких условиях, оказывались безнадежно несчастливими. Не все разочарованные супруги искали внебрачных партнеров, с которыми получали то, чего были лишены в браке, но шли на это многие. И почти во всех обществах – кроме тех, где царили самые строгие нравы, – мужчинам с помощью любовниц или наложниц вне брака позволялось удовлетворять порывы романтического или похотливого свойства, которые они не могли ни сдержать, ни направить в иное русло. Что касается женщин, их стремления аналогичного характера никогда не поощрялись, и если они были уличены в прелюбодеянии, это жестоко каралось. Но многие, тем не менее, шли на такой риск.

Непреодолимость классовых и кастовых преград также приводила к возникновению внебрачных любовных связей мужчин с женщинами, которые при других обстоятельствах могли бы стать их женами. Блаженный Августин, епископ Гиппона, христианский теолог, живший в Северной Африке в IV в., соблюдал традиции своего общества, запрещавшие браки между представителями разных социальных слоев. Поэтому ему пришлось сожительствовать с женщиной, которую он любил, вместо того чтобы взять ее в жены, поскольку она стояла ниже

¹ Время с пяти до семи часов вечера (фр.). – Здесь и далее примечания переводчика.

него на общественной лестнице. А когда он решил жениться, мать подыскала ему подходящую девушку из «добропорядочной» семьи.

Наличие кастовых устоев, обусловленных национальными, расовыми или религиозными представлениями, также может низвести женщину до более низкого в социальном плане положения наложницы. Так, например, присущая Древней Греции ксенофобия запрещала ее гражданам сочетаться браком с иноземцами, поэтому Перикл, афинский государственный деятель, так и не смог жениться на Аспазии, его любимой сожительнице, чужестранке из Милета, которая родила ему сына.

Во многих восточных культурах сожителство было скорее интегральной или параллельной, чем побочной по отношению к браку формой связи, причем права и обязанности сожительниц были закреплены законодательно или в силу обычая. Сожительницы часто обитали в доме хозяина под одной крышей с его женой и другими наложницами. В небогатых семьях одна или две сожительницы помогали хозяйке дома в ее повседневных трудах. Они должны были исполнять те же сексуальные обязанности, что и жена хозяина, и, как и она, соблюдать верность и заниматься ведением домашнего хозяйства. Это объясняется просто: в отличие от любовницы в западном обществе, одна из основных обязанностей сожительницы в странах Востока состояла в том, чтобы рожать хозяину наследников.

В некоторых странах, в частности в императорском Китае и Турции, мужчины из правящих династий, аристократы и привилегированные представители верхов общества выставляли напоказ богатство и власть, создавая гаремы, где содержались захваченные в плен или купленные наложницы. Нередко перенаселенные, управлявшиеся евнухами гаремы представляли собой кипевшие страстями беспокойные сообщества, где постоянно плелись интриги и составлялись заговоры, шла полная конфликтов острая борьба, не говоря уже об отношениях с детьми. Достигшие зрелого возраста наложницы, которые уже лишились благосклонности хозяина гарема, проводили скучные дни в повседневных домашних заботах. Их еще полные надежд молодые соседки, чтобы заполнить тоскливо текущее время, тщательно ухаживали за собой и строили козни вместе с евнухами и против них, а также против жен, родственников, детей и друг друга. Единственной отдушиной в однообразной жизни оказывалась ночь, проведенная наложницей с обладателем гарема. В случае почти невероятной удачи наложница могла зачать ребенка, который со временем имел шанс вырвать мать из затворничества гарема и обеспечить ей жизнь, полную почестей и привилегий, а в редчайших случаях даже вознести к вершинам власти.

Такое положение вещей представляло собой разительный контраст обычаям западных обществ: на Западе почти всегда законы стояли на стороне законного брака, отказывая в правах незаконнорожденным детям любовниц – начиная с рабынь, которые находились на самой нижней ступени общественной иерархии, и заканчивая герцогинями, женщинами голубых кровей. Юридически и в силу традиции отцы не имели обязательств и не несли ответственности перед своими внебрачными детьми. Без всяких угрызений совести они нередко обрекали детей, рожденных от любовниц, на бесчестье и невзгоды, сопутствовавшие незаконнорожденным. По сути дела, именно законы затрудняли признание мужчинами их побочных отпрысков и создавали препятствия для оказания им поддержки.

Тем не менее некоторые отцы выступали против сложившихся общественных традиций, препятствовавших им поддерживать собственных незаконных детей. В частности, английский король Карл II даровал герцогское достоинство такому числу своих внебрачных сыновей, что пятеро из нынешних двадцати шести герцогов являются их потомками, если, конечно, исходить из того, что их родословная была достаточно благородной, чтобы не обращать внимания на такую мелочь, как закон. Что касается простых людей, они ставили собственные страсти выше общественных ценностей. Так же и рабовладельцы, в случае признания своими детей, рожденных любовницами-рабынями, подвергали себя риску серьезных преследований со сто-

роны собственных сограждан – ярых расистов. Тем не менее в западном мире признание незаконнорожденных детей всегда было исключением из правила.

Современная любовница справедливо рассчитывает на лучшее отношение к ребенку, которого она может произвести на свет от своего партнера. Как и ее предшественницы, она выступает инициатором отношений между мужчиной и женщиной, и ее статус отражает тенденцию развития этих связей. Улучшившееся положение женщин, либерализация семейного законодательства и личных отношений, растущее значение результатов анализов ДНК – все это в немалой степени повышает вероятность признания любовником ребенка любовницы или, по крайней мере, позволяет ему вносить свой вклад в его содержание. В то же время появление доступных и надежных противозачаточных средств и легализация абортот способствовали значительному сокращению числа детей, которых хотелось бы иметь любовницам.

По тем же причинам там, где все еще царят законы прошлого, отношения между мужчинами и женщинами продолжают им подчиняться, а положение любовниц и сожительниц и сегодня ничем не отличается от положения их предшественниц. Одним из таких институтов, где все еще правит традиция, является римско-католическая церковь, непоколебимо отстаивающая глубоко укоренившееся недоверие к женщинам. Особенно отчетливо это проявляется в отказе от их посвящения в духовный сан и в упорном нежелании отменить целибат, что остается непреодолимым препятствием для вступления в брак священнослужителей. Женщины, в настоящее время состоящие в интимной связи со священниками, идут тем же путем, что и в прошлые века: их выдают за домоправительниц и вынуждают скрывать любовь за кухонными фартуками и половыми тряпками. Церковь продолжает рассматривать таких женщин как искусительниц и сосуды греха, причем ее больше всего заботит сохранение подобных отношений в тайне и сокрытие их от внешнего мира.

Во многих других отношениях характер внебрачных связей сегодня существенно изменился за счет развития феминизма, расширения прав женщин и доступности противозачаточных средств. По мере того как моральные нормы, касающиеся добрых половых контактов, смягчились и совместная жизнь без регистрации брака постепенно превращается в общепринятую норму, различие между любовницей и подругой утрачивает определенность. Сегодня во многих случаях ответ на вопрос о статусе отношений следует искать в восприятии самих партнеров и, в определенной степени, в отношении к нему общества. Нынешние любовницы, как представляется, не так сильно стремятся выйти замуж или зависеть от любовника в финансовом плане, как их предшественницы. В наше время они обычно влюбляются в женатых мужчин, которые не хотят разводиться, чтобы узаконить отношения с ними. Поэтому единственным выходом в этом случае является примирение с существующим положением вещей, формально являющимся незаконным. Но часто современные любовницы не хотят с этим смириться, они надеются на то, что в один прекрасный день все каким-то образом изменится и их связь с любовниками обретет законную силу через брак.

Нередко бывает и так, что значение имеют сами по себе любовные отношения: романтическое влечение, пробуждение страсти и ее бурное удовлетворение. Даже тогда, когда восхитительное ощущение любовного приключения и неизбежность вызова общественному мнению сопровождается чувством вины, сохраняется обоюдная верность любовников в том, что касается сокрытия разделенной тайны и лежащего в ее основе взаимного доверия. Запретная составляющая таких отношений влияет и на ситуацию в целом, которая отчасти определяется ограниченностью возможностей и рассудительностью незамужней любовницы. С одной стороны, встречи с любимым требуют, чтобы она располагала значительным свободным временем, особенно в нерабочие дни, а с другой – ее не тяготят повседневные домашние хлопоты жены, и потому ей легче проявлять все свое обаяние – как во внешнем облике, так и в поведении. Вместе с тем такие связи могут казаться или на самом деле быть равноправными, при этом оба партнера привносят в них то, что могут, и берут от них то, что хотят.

Какое множество разных историй могли бы поведать нам многие любовницы и сожительницы! Из огромного объема накопившегося материала для каждой категории я придирчиво отбирала женщин, жизнь которых полнее всего отражает отдельные вопросы и нюансы внебрачных любовных отношений. Дело это оказалось весьма нелегким, мне приходилось отказываться от многих персонажей, с сожалением вычеркивая из списка их имена – сначала робко, а потом все более решительно. Постепенно целый стеллаж заполнился отвергнутыми мной подчас захватывающими материалами. Как я досадовала, что из-за требований к объему книги мне пришлось расстаться с такими интригующими фигурами, как леди Эмма Гамильтон, Диана де Пуатье, Жорж Санд, Коко Шанель! Они пали жертвами объема книги не столько потому, что их истории выглядели бы в ней неуместными, сколько в силу моих предвзятых предпочтений в плане раскрытия темы, которой посвящено данное исследование.

Но какую замечательную группу составили те, кто остался! История каждой из любовниц уникальна, и в то же время она отражает жизненные пути большого числа других женщин. Они жили в разные эпохи, в разных частях света, в разных условиях, принадлежали к разным классам, кастам и расам. В их числе были аристократки и рабыни, жены, матери и старые девы, они жили в хижинах и гаремах, в квартирах и особняках. Некоторые из них получили широкую известность за счет их связей, о других мы знаем лишь благодаря воспоминаниям их любовников или других людей, а также из официальных документов. Но всех их объединяет то, что они были либо любовницами, либо сожительницами. Эта книга повествует об их судьбах и непростых жизненных путях. История каждой из них важна для понимания сути проблемы, потому что в уникальном опыте каждой героини отражается одна из граней многоликого феномена внебрачных любовных связей.

ГЛАВА 1

Любовь вне брака в Древнем мире^{1,2}

Агарь
Аспазия
Коринна
Долороза

Со времени возникновения институт брака был связан с разными формами сожительства – системами, которые позволяли и до определенной степени определяли параллельные интимные отношения между мужчинами и женщинами, не являвшимися их женами. Библия, составляющая одну из основ западной культуры и литературы, знакомит нас с множеством наложниц. У царя Соломона их было триста вдобавок к семи сотням жен, другие библейские цари и патриархи также наслаждались престижным обществом многих сотен наложниц. Наложницы использовались в сексуальных целях, а также для того, что японцы называют «заимствованная утроба». Если жена мужчины была бесплодна, а ему хотелось иметь наследников, от него могла зачать ребенка наложница, и потом мужчина признавал и растил его как собственного отпрыска. Наложницы имели статус второстепенных жен, но были лишены прав законной жены и гарантий, обусловленных ее положением. Часто наложницы были рабынями. Закон гласил, что рабыня женщины, предназначенной в наложницы ее мужу, все равно продолжала оставаться собственностью своей хозяйки.

С течением столетий изменившиеся обстоятельства и нравы привели к переменам в статусе наложниц. К концу эпохи Античности римское законодательство обеспечило наложницам защиту некоторых их прав, в частности гарантировало детям сожительниц небольшую часть наследства отцов, причем их доля увеличивалась, если отцы умирали, не оставив завещания, или если они не имели законных наследников. В начале IV в. император-христианин Константин I, скончавшийся в 337 г., попытался изменить юридическую основу отношений сожительства, предоставив мужчинам право жениться на наложницах и тем самым позволив признавать детей любовниц. Но искоренить сожительство не мог никакой закон, поскольку греко-римская культура в целом допускала мужскую неверность в браке. Блаженный Августин, больше десяти лет сожительствовавший с любимой женщиной, которая родила ему сына, пояснял, что мужчины оправдывают сожительство, поскольку в противном случае им пришлось бы соблазнять чужих жен или прибегать к услугам проституток. Подразумеваемое в данном случае представление о том, что мужчинам имманентно присуща неспособность к моногамии, вело к выводу о сожительстве как важнейшем дополнении к браку.

---

² Примечания автора, отмеченные арабскими цифрами, см. в конце каждой главы

Агарь

Первой наложницей, имя которой донесли до нас письменные источники, вполне можно считать Агарь – египетскую рабыню, которая, возможно, принадлежала к черной расе. Агарь была рабыней праматери Сары, жены праотца Авраама (около 2000–1720 гг. до н. э.). Нам ничего не известно ни об обстоятельствах жизни Агари, ни о том, как и когда она стала собственностью Сары. Ее библейский биограф, несомненно считавший Агарь второстепенной фигурой, наверняка поразился бы тому, какое внимание ее образ продолжает привлекать спустя тысячелетия. Представив ее как часть ситуации, в которой развивалась трагедия бесплодия Сары, он посвятил Агари всего семь небольших библейских стихов.

Жизнь Сары и Авраама была богата приключениями. В частности, во время полного опасностей пребывания в Египте «прекрасная видом» Сара, сама того не желая, привлекла к себе внимание фараона, и тот пожелал взять ее к себе в гарем. Авраам, дабы не лишиться жизни, представил ее своей сестрой. После этого фараон одарил Авраама мелким и крупным скотом, ослами, лошадьми, верблюдами, рабами и рабынями – по всей вероятности, чернокожими.

Когда фараон понял, что Авраам и Сара его обманули, он приказал Аврааму взять жену и покинуть Египет, но милостиво позволил им забрать весь подаренный скот и рабов.

Авраам стал богатым человеком, и все у него было, кроме наследника, потому что Сара не могла производить потомство. Ждать изменения такого положения вещей было бессмысленно, поскольку в ту пору Саре уже исполнилось семьдесят шесть лет (так, по крайней мере, утверждает автор Книги Бытия). Неудивительно поэтому, что Авраам впал в отчаяние, понимая, что остался бездетным, – но он продолжал молить Господа о ниспослании ему наследника. Сара винила лишь себя за собственное бесплодие – в Древнем мире оно считалось проклятием, составлявшим вполне убедительную причину для развода. Но в обществе, где она жила, проблема бесплодия решалась просто: для этого требовалась лишь способная к деторождению наложница.

Именно в такой ситуации мы впервые встречаемся с Агарью. «Вот, Господь заключил чрево мое, чтобы мне не родить, – сказала Сара супругу, – войди же к служанке моей: может быть, я буду иметь детей от нее»³.

Авраам согласился, а мнение Агари на этот счет никого не интересовало. Вскоре, несмотря на то что Аврааму в то время было уже восемьдесят шесть лет, Агарь от него забеременела. Осознав это, наложница преобразилась. К удивлению Сары, ее покорная и приветливая рабыня стала самоуверенной, даже высокомерной женщиной, «с презрением» глядевшей на Сару сверху вниз. А почему бы и нет? Хоть Агарь и была рабыней, она могла выносить и подарить супругу хозяйки законного наследника.

Сара пришла в замешательство, она была сильно раздосадована поведением Агари и с горечью жаловалась на это Аврааму. Но тот напомнил жене, что она является законной хозяйкой Агари и потому может подвергнуть свою рабыню какой угодно каре. Мы не знаем, как поступила Сара, – одно из практиковавшихся тогда наказаний за надменность и высокомерие состояло в том, что провинившемуся запихивали в рот кварту соли, – но она настолько жестко притесняла Агарь, что та решила убежать из дома.

К счастью, когда Агарь блуждала по пустыне, ее нашел Ангел Господень и сказал ей: «Агарь, служанка Сарина! Откуда ты пришла, и куда идешь?» Агарь рассказала ему о том, в каком сложном положении оказалась. «Возвратись к госпоже своей и покорись ей», – приказал Ангел Господень. Потом смягчился и пообещал: «Умножая умножу потомство твое, так что

---

³ Здесь и далее цитируется синодальный канонический перевод Библии.

нельзя будет и счесть его от множества». И еще сказал: «Вот, ты беременна, и родишь сына, и наречешь ему имя: Измаил [что значит “Господь слышит”]; ибо услышал Господь страдание твое».

После этой встречи Агарь вернулась и родила Аврааму сына, которого, как и было предначертано, назвали Измаилом. Вполне возможно, что она рожала его, тужась на корточках между ног Сары, с помощью повитухи, в обычной позе «родов на коленях»: так производили на свет ребенка, который должен был стать наследником своей «законной», а не родной матери.

Агарь продолжала жить в доме Авраама и Сары еще более тринадцати лет, вскармливая Измаила и заботясь о нем. Потом произошло чудо. Господь заключил с Авраамом непростое соглашение, в силу которого Сара должна была обрести способность родить ребенка. Сначала Сара рассмеялась, услышав о противоречащем здравому смыслу предсказании. Она ведь состарилась. Разве было возможно, чтобы она снова стала близка с мужем да еще и родила ребенка? Но Господь укорил ее за смех и произнес: «Есть ли что трудное для Господа?»

Оказалось, что ничего трудного для Господа нет – Сара зачала и родила Аврааму сына, которому отец дал имя Исаак. К тому времени ей уже исполнилось девяносто лет, Авраам же достиг столетнего рубежа. «Кто сказал бы Аврааму: “Сара будет кормить детей грудью?”, ибо в старости его я родила сына», – радовалась Сара.

Исаак вырос крепким ребенком, и Сара отняла его от груди. Но как-то раз, когда она наблюдала за тем, как ее малыш играет со старшим сводным братом Измаилом, в ней вскипела сильная обида и возмущение. Будучи первородным сыном Авраама, Измаил должен был получить часть наследства отца. «Выгони эту рабыню и сына ее, – сказала Сара Аврааму, – ибо не наследует сын рабыни сей с сыном моим Исааком».

Авраам сильно опечалился, но только из-за Измаила, Агарь его беспокоила мало. Он обратился с молитвой к Господу, и тот ниспослал ему указание слушаться Сару во всем, что она ему скажет, потому что и от Исаака, и от Измаила произойдут два великих народа. На следующий день Авраам встал рано утром и позвал к себе Агарь. Весьма состоятельный человек, он дал ей лишь хлеба и мех воды, велел взять Измаила, их сына, уже входившего в возраст, и вместе с ним отправляться куда глаза глядят.

В полном недоумении, Агарь с Измаилом побрели в пустыню. Через некоторое время они съели весь хлеб и выпили всю воду: их скудные припасы закончились. В отчаянии Агарь оставила под одним кустом Измаила, отошла от него на расстояние выстрела из лука и опустилась на землю. «Не хочу видеть смерти отрока», – рыдала она.

Но Господь, наблюдавший за ней, вновь послал к Агари Ангела Своего. Бог не даст Измаилу погибнуть, сказал ей Ангел Господень, потому что из потомков его Он произведет великий народ. Агарь удивленно раскрыла глаза и увидела, что Господь создал колодец. Она наполнила мех водой и напоила измученного жаждой сына.

Долгие годы Агарь с Измаилом жили в пустыне. Они знали других людей, которые расселились в округе, Агари удалось скопить достаточно средств, чтобы женить Измаила на девушке из земли Египетской. Хоть евреи обратили ее в рабство, Агарь помнила о своем египетском наследии и стремилась вновь им воспользоваться.

Так завершается история Агари, но, видимо, не ее жизнь. Библейские стихи, относящиеся к Измаилу, свидетельствуют о том, что Господь выполнил обет, данный Агари, так как у Измаила родилось двенадцать сыновей, сделавшихся родоначальниками племен измаильтян. Сам Измаил дожил до 137 лет – как и отец, он оказался долгожителем. (Авраам умер в 175 лет, и Измаил с Исааком погребли его в пещере Махпеле.)

Агарь провела в рабстве непродолжительное время, но ее нелегкая судьба и поныне находит отклик в людских сердцах и отражение в произведениях литературы. Спустя тысячелетия после ее кончины, благодаря нескольким фразам, составившим ее краткое жизнеописание, Агарь стала символом всех обездоленных и гонимых на земле, образом женщины, подвер-

гавшейся сексуальной эксплуатации и жестоко притеснявшейся, лишенной прав, изгнанной в никуда без всякой поддержки. Но, в отличие от других женщин, которым довелось претерпеть такие же ужасные несчастья, Агарь спас от нищеты и гибели сам Господь.

Аспазия²

В середине V в. до н. э. город-государство Афины достиг наивысшего политического и культурного расцвета; утвердившаяся там демократия отражала лучшие достижения Древней Греции. Но золотой век Афин не сказался на афинских женщинах, большую часть жизни проводивших за стенами своих домов. Иноземным женщинам приходилось тяжело вдвойне: над ними тяготело проклятье не только их пола, но и социального положения. Одна из них – Аспазия, иммигрантка из Милета, города на юго-западном побережье Малой Азии – попыталась преодолеть ущербность своего статуса, вступив в близкие отношения с Периклом, крупнейшим из афинских государственных деятелей.

Аспазия прибыла в Афины после окончания ослабивших город греко-персидских войн и заключения пятилетнего перемирия 451 г. до н. э., завершившего враждебные действия между греческими государствами. Она приехала вместе с родственниками, которым пришлось покинуть Милет вследствие неизвестных нам обстоятельств. Несмотря на присутствие членов ее семьи, аристократическое происхождение и обширные связи, она не располагала достаточными средствами, и ей пришлось искать работу.

Приезд Аспазии в Афины, к несчастью для нее, совпал с наплывом беженцев, что вынудило Перикла принять draconian меры для обеспечения социального превосходства афинских граждан. Он дал право афинского гражданина лишь тем афинянам, оба родителя которых являлись гражданами города, и значительно урезал права *метеков* – таких поселившихся в Афинах иноземцев, как Аспазия и члены ее семьи. Любой человек, пытавшийся выдать себя за гражданина Афин, мог быть обращен в рабство. Из-за принятого Периклом законодательства Аспазия лишилась возможности выйти замуж за афинянина или получить весьма ограниченные права, предоставлявшиеся афинским женщинам.

Таких прав было немного. В отличие от их братьев, афинские женщины не являлись потенциальными воинами, поэтому новорожденных девочек нередко оставляли на склонах холмов, где их пожирали дикие звери. К образованию тех, кому позволяли выжить, относились с безразличием, их держали дома и учили только навыкам ведения домашнего хозяйства. Когда девочки вступали в период полового созревания – обычно где-то в четырнадцать лет, – родители выдавали их замуж за мужчин значительно старше них, которые уже завершили военную службу и, наконец, могли жениться.

Замужество не делало жен греков свободными – после вступления в брак они оказывались привязанными к своим новым местам проживания. Дома в Афинах, как и в остальных полисах Греции, отражали главенствующий статус мужчин. Они были небольшими, потому что их хозяева проводили много времени вне дома с другими мужчинами. Большинство помещений выходило во внутренний двор. Самым большим и красивым помещением в греческом доме был *андрон* – место для пиров, – потому что там развлекались мужчины. Жены, дочери хозяина и другие женщины, жившие в его доме, к пирушкам не допускались. Мужчины же часто приглашали *гетер* – куртизанок высокого класса, а если были стеснены в средствах, то их улаживали проститутки.

Женщины в древних Афинах имели совсем немного прав, а для развода им непременно требовалось согласие мужей. Единственной гарантией их финансового положения служило приданое. В обществе, где восхвалялись скромные, покорные и трудолюбивые матери семейств, большинство женщин могли рассчитывать лишь на доброе имя.

На что же могла тогда претендовать молодая иноземка в Афинах, городе brutальных мужчин? Аспазия не только обладала красотой – она была необычайно умна, и, в отличие от большинства афинских женщин, ей каким-то образом удалось получить образование, хотя она никогда об этом не распространялась. Аспазия стала преподавать риторику и философию, и

вскоре репутация ее достигла таких высот, что сам Сократ считал себя ее учеником, по крайней мере, об этом сообщает нам Платон в «Менексене»³.

Вполне возможно, что сначала Аспазия зарабатывала на жизнь, присоединившись к скрытому от посторонних взоров миру гетер – свободных женщин, обменивавших сексуальные услуги, общение и дружбу на дорогие подарки и деньги. В отличие от проституток (и большинства жен), гетеры были хорошо образованными и культурными, элегантными и утонченными женщинами. Остроумие, широкий кругозор, легкость в общении отличали их от других греческих женщин, с приятелями-мужчинами они говорили и спорили как равные в интеллектуальном отношении партнеры. Рисунки на вазах изображают их стройными, с небольшой грудью, в изящных одеяниях. Их было очень просто отличить от располневших, лишенных украшений греческих матрон.

Аспазии было около двадцати пяти лет, когда она встретила с Периклом, которому внушила страстную любовь, продолжавшуюся до самой его смерти. Но принятые самим Периклом законы обрекли ее всю жизнь оставаться его любовницей, лишенной надежды на то, чтобы стать его женой. Перикл не мог без нее жить и потому поселил Аспазию в своем доме. Когда она родила ему сына, незаконнорожденность и статус метека маленького Перикла отца особенно не беспокоили, потому что он уже имел двух сыновей, рожденных в законном браке.

Перикл был далеко не единственным, кто восхищался неотразимой привлекательностью интеллекта Аспазии и ее эротической ауры. Когда она организовала нечто вроде интеллектуального салона, дом ее стали посещать выдающиеся афинские мыслители, ученые и государственные деятели, которые там обсуждали вопросы политики и философии, общались, упрямая общественные и политические связи.

Аспазия не ограничивала круг своих интересов лишь государственными делами. Она также отвергала суровые доводы Сократа относительно проблемы супружеских отношений, обсуждение которой, несомненно, навело ее на мысли о собственном положении. Позже Цицерон и Квинтилиан писали о разговоре Аспазии с женой Ксенофона, проходившем в присутствии самого философа.

– Скажи мне, – спросила Аспазия, – если бы золотые украшения твоей соседки были лучше твоих, чьи бы ты хотела иметь – свои или ее?

– Ее.

– А если бы ее одежды и другие предметы туалета были дороже твоих, что бы ты предпочла?

– Ее, конечно.

– Ну что ж, а если бы ее муж был лучше твоего, кого бы ты тогда предпочла – своего мужа или ее?⁴

Жена Ксенофона покрылась румянцем. Аспазия нарушила ее неловкое молчание. Чтобы видеть в партнере совершенство, пояснила она, самой необходимо *быть* самым лучшим партнером. И хотя мужчина и женщина выражают преданность друг другу через чувственность, добавила Аспазия, главным фактором привлекательности служит добродетель.

Был ли этот диалог придуман или действительно состоялся, нам не известно, тем не менее благодаря ему можно сделать следующий вывод о взглядах Аспазии на отношения между мужчинами и женщинами: они должны вступать в связь на одних и тех же условиях и в равной степени стремиться к тому, чтобы идти по пути добродетели. Иными словами, любовница Перикла, видимо, выступала за равноправие, что резко противоречило жесткой социальной стратификации и законодательно закрепленному неравенству в древних Афинах, где ей довелось жить.

Перикл проводил много времени дома, чтобы больше быть с Аспазией, но продолжал активно заниматься государственными делами и руководить восстановлением афинских храмов, поврежденных или разрушенных во время греко-персидских войн. В целом афиняне под-

держивали политический курс Перикла, чего нельзя сказать о его не вполне личной жизни. Горожане обвиняли своего вождя в том, что он выгнал из дома жену, чтобы вместо нее поселить там Аспазию. Они не желали знать, что с женой он развелся более чем за десять лет до того, как встретился с любовницей. Поговаривали и о том, что ему, как и многим другим мужчинам, было бы лучше держать сожительницу подальше от посторонних глаз, а не выставлять напоказ их отношения, но Перикл не придавал значения этим пересудам. Недовольство Аспазией среди афинян нарастало, и расплачиваться за это приходилось не Периклу, а ей. О ней злословили на каждом углу и во всех общественных местах. Поэты-сатирики глумливо поливали ее грязью, сравнивая Аспазию с Таргелией – могущественной ионийской куртизанкой и женой четырнадцати (!) мужчин, которая использовала свое огромное влияние для помощи врагу во время греко-персидских войн.

В 440 г. до н. э., когда на имевшем важное стратегическое значение острове Самосе вспыхнуло восстание против Афин, нападки на Аспазию усилились. И хотя в итоге Периклу удалось подавить восстание, его глумливые противники принялись распускать слухи о том, что Аспазия, шлюха их лидера, по личным мотивам, связанным с ее милетским происхождением, убедила его ввязаться в войну с Самосом. В одной из своих сатир комедиограф Кратин высмеивал и Перикла, и Аспазию, которую называл шлюхой с собачьими глазами.

Это прозвище за ней закрепилось, и все больше афинян клеймили Аспазию как развратную женщину, презренную блудницу. Ее репутация гетеры вызывала в воображении встречающиеся на греческих вазах и чашах грубо-сексуальные сцены, в которых гетеры представляли обнаженными или задирающими юбки, чтобы продемонстрировать свои женские прелести потенциальным клиентам. Гетеры, представленные на подобной керамике, участвовали в групповом сексе, их изображали в разных позах, даже покорно склонившимися вперед и упирающимися руками в пол, готовыми к анальному половому акту. Иногда клиенты били их по обнаженным задкам сандалиями или другими предметами, желая принудить к извращенным половым актам. Уподобление Аспазии этим карикатурным женщинам представляло собой самые мерзкие проявления нападок на нее – глубокого мыслителя, заботливую мать и любимую подругу Перикла.

Подлинная причина такого полного злобы и ненависти отношения к Аспазии заключалась в том, что ее взгляды представляли собой угрозу общественной структуре основанного на рабовладении и господстве мужчин афинского общества, где удел женщин ограничивался домашними хлопотами, а женщины из числа метеков были обречены на еще более печальную судьбу. Аспазии – женщине и чужеземке – пришлось смириться с узаконенным бесправием, обусловленным этими двумя ее «недостатками». Но ей удалось избежать predetermined судьбы и каким-то образом так воздействовать на пожилого правителя, что тот не обращал внимания ни на ее пол, ни на социальный статус. Естественно, что Аспазия представляла собой угрозу установленному порядку, она оказалась бунтарем в облике искусительницы.

На протяжении десяти лет после событий на Самосе домашняя жизнь Аспазии текла гармонично, ничто не препятствовало развитию ее интеллектуальных способностей, но в общественном плане ее положение продолжало оставаться кошмарным. В 431 г. до н. э., когда началась Пелопоннесская война, оскорбления в адрес Аспазии и словесные нападки на нее зазвучали с новой силой. Поэт-комедиограф Гермипп выступил против нее с новыми придирами, обвиняя Аспазию в отсутствии почтения к богам и в том, что она сводит свободных женщин Афин с Периклом. Ему удалось вызвать такой взрыв народного негодования, что против Аспазии были выдвинуты обвинения в безнравственности и измене. Несмотря на заступничество Перикла, воля народа одержала верх.

Будучи иностранкой, Аспазия не могла предстать в суде, чтобы защищаться. Эту задачу взял на себя Перикл. Выступая там, он плакал, голос правителя дрожал от переполнявших его

чувств, он говорил так красноречиво и убедительно, что суд согласился с его доводами о том, что Аспизию оклеветали, и оправдал ее по всем выдвинутым против нее обвинениям.

Победа над злостными клеветниками еще теснее связала Аспизию и Перикла. Вскоре ее публично признали его подругой. Но влюбленной паре не было суждено вместе дожить до глубокой старости. Военная стратегия Перикла, суть которой сводилась к защите жителей и армии афинской империи в стенах самого города, привела к чрезмерной перенаселенности Афин и тяжелым болезням среди осажденных. В 430 г. до н. э. во время свирепой эпидемии чумы погиб каждый третий воин и каждый четвертый житель города.

Перикл потерял двух своих законных сыновей, сестру, многих других родственников и друзей. Большинство остальных афинян тоже утратили многих близких, а тем, кто остался в живых, не терпелось кого-нибудь обвинить в постигшем их неутешном горе. Выбор Перикла в качестве козла отпущения был очевиден: его отстранили от власти, судили и обвинили во взяточничестве.

Перикл был опозорен и обесчещен, у него не осталось законных наследников. Но, как говорится, нет худа без добра: в определенном смысле это оказалось на руку Аспизии, поскольку статус ее сына, Перикла Младшего, внезапно изменился в лучшую сторону. Перикл, который отчаянно нуждался в наследнике, обратился к официальным лицам Афин с просьбой о том, чтобы положение Перикла Младшего, не имевшего законных прав в силу его собственного ксенофобского законодательства, было признано законным. На этот раз афиняне, наконец, сжалились над уже немолодым, потрепанным жизнью человеком и даровали гражданство – но лишь Периклу Младшему. Статус Аспизии не изменился, тем не менее успех сына не мог не доставить ей большого удовлетворения.

Перикл с Аспизией получили непродолжительную передышку: их уже не преследовали, правитель был реабилитирован и восстановлен в должности стратега. Но эпидемия чумы в Афинах не унималась, и вскоре он сам пал ее жертвой, оставив любовницу в одиночестве, беззащитной во враждебном городе, где моровая язва продолжала отбирать жизни.

Без Перикла – или, правильнее сказать, после Перикла? – Аспазия сошлась с другим мужчиной, торговавшим овцами, а также служившим военачальником, карьера которого шла на подъем. Поспешность, с которой она нашла себе нового сожителя, заставляет усомниться в искренности ее привязанности к Периклу. Вряд ли к такому шагу ее вынудила нужда – ведь сын Аспизии унаследовал все состояние отца. Может быть, она нуждалась в защите от ненавидевших ее граждан Афин. Не исключено, что ей нравился Лисикл – деятельный, честолюбивый, богатый мужчина, гораздо более близкий к ней по возрасту, чем Перикл. Она могла руководствоваться и другими соображениями. Например, в связи с тем, что афинские законы лишали ее прав как чужеземку, а жители Афин постоянно ее преследовали, решение Аспизии стать сожительницей другого влиятельного мужчины выглядит вполне резонным, поскольку лишь такой человек мог защитить ее от множества недругов.

Почти наверняка Аспазия познакомилась с Лисиклом через Перикла. Возможно, Лисикл был одним из ее поклонников, восхищавшихся ее умом и красотой. Или его привлекла к ней роль любовницы, которую она исполняла при Перикле. Как бы то ни было, Перикл сам выбирал людей своего окружения и требовал от них относиться к этой женщине с уважением.

Какими бы соображениями Аспазия ни руководствовалась, ее совместная жизнь с Лисиклом оказалась непродолжительной. Вскоре после того, как она родила ему сына, Лисикл погиб в бою, и ей вновь пришлось самой заботиться не только о себе, но и о незаконнорожденном малютке-сыне.

Однако афиняне никак не хотели оставить ее в покое. Когда Аспизии уже исполнилось сорок пять лет, Аристофан развязал против нее новую кампанию ожесточенных нападок. В комедии «Ахарняне» он обвинил ее – ни много ни мало – в том, что именно она стала причиной Пелопоннесской войны. Один из героев комедии, земледелец Дикеополь, подробно перечис-

ляет события, которые привели к войне. Если верить его рассказу, несколько пьяных молодых повес прокрались в Мегару и похитили там Симефу-девку. Разгневанные мегарцы отплатили им той же монетой, похитив двух девок у Аспазии, которую называли сводней. Разгневанная похищением двух своих девок Аспазия вынудила Перикла начать Пелопоннесскую войну.

Мы не знаем, что случилось с Аспазией после смерти Лисикла, хотя и по сей день ее судьба продолжает вызывать оживленные споры среди специалистов. Очевидно, что Аспазия была достаточно умна, чтобы правильно оценить свое положение в зрелом возрасте, как она смогла это сделать в юности. Бесправная иностранка в обществе, которое ненавидело ее и боялось, она не молодеда и не обладала надежной защитой. У нее, правда, еще оставались некоторые преимущества – природная, хоть и увядающая, красота, репутация женщины с искрометным остроумием, в полной мере обладавшей здравым смыслом, – и сын, законный наследник Перикла. А еще она прослыла потаскухой, что, несомненно, импонировало некоторым мужчинам.

Вполне возможно, что Аспазия вновь пыталась найти покровителя, как она сделала вскоре после смерти Перикла. Представляется менее вероятным, что роль защитника взял на себя ее старший сын Перикл. Если бы это случилось, какие-то сведения, скорее всего, сохранились бы в литературе, которая язвительно или иначе откликнулась бы на отношения матери и сына. Но настроенные против Аспазии сатирики хранили молчание, на основании чего вполне можно сделать вывод о том, что она связала свою жизнь с ничем не выдающимся мужчиной, который не удостоился внимания современников, покинула Афины или окончила жизненный путь в неизвестности.

Если судить по дошедшим до нас сведениям о том, что она преподавала, а также о ее убеждениях, получается, что Аспазия ратовала за торжество справедливости и добродетели, за достижение равновесия в неустойчивом мире. Но она навсегда была обречена оставаться чужестранкой и женщиной в Афинах, где царили жесткие законы и нравы, а потому ей приходилось полагаться на отношения с Периклом, чтобы обеспечить себе некоторое влияние и материальный достаток.

Коринна⁵

Одной из самых загадочных и поразительных любовниц была женщина, которую воспел и обессмертил великий поэт Овидий в произведении «Любовные элегии» под вымышленным именем Коринна. Бурные отношения Коринны и Овидия развивались в Риме, упадок которого привел к принятию имперского законодательства о реформе нравов, но жаждавшие наслаждений граждане в большинстве случаев смотрели на него сквозь пальцы.

За два десятилетия до возникновения христианства Рим Овидия и Коринны был одновременно восхитителен и ужасен. В городе соседствовали прекрасные особняки и перенаселенные трущобы, протяженные акведуки и общественные бани производили неизгладимое впечатление. Город мог похвастаться замечательными театрами со сложным сценическим оборудованием и огромными цирками, где зрители восторженно вопили или негодуяюще свистели, когда на арене специально обученные львы задирали пытавшихся от них спастись преступников (позже так нередко казнили христиан), а лучники убивали обезумевших от страха диких слонов и пантер. Римские рынки поражали воображение разнообразием свежих со всех концов империи товаров – экзотическими продуктами, шелковыми и шерстяными тканями, винами и перебродившими соусами для рыбы.

Гений градостроения и самовластия Цезарь Август взирает на свою империю с высоты холма Палатин, но картины, встававшие перед его мысленным взором, нагоняли на него безысходную тоску. Незадолго до конца правления, в 14 г. н. э., он украсил свой любимый, но уже клонившийся к упадку Рим мраморными зданиями, построив театр Марцелла, Большой цирк и восемьдесят храмов – столь же долговечных, как и его *Pax Romana*, или «Августов мир». Он также пытался изменить порочные нравы сограждан изданием законов Юлия (Августа), регулировавших брачные и сексуальные отношения, а также вопросы наследования.

Десятилетия анархии, восстаний и военных кампаний сильно поколебали моральные устои римского общества. Тосковавшего по старым порядкам Августа особенно беспокоило то обстоятельство, что римские женщины стали совсем не такими, какими были раньше добродетельные матери семейств, непротивительные и верные супругам труженицы. Почему с ними произошли такие перемены? Призывы мужчин в армию и участие в войнах привели к изменениям и в жизни женщин.

Когда мужей забирали в солдаты, остававшиеся дома жены в основном сами вели хозяйство, женщины из богатых семейств управляли своими большими имениями. Им приходилось общаться с внешним миром более активно, чем раньше, и – неизбежно – некоторые из них обзаводились любовниками.

Когда наступал мир, к прежним нравам римляне уже не возвращались. Они откладывали заключение браков, но не прерывали сексуальные отношения. Занимавшие высокое положение мужчины заводили любовниц, а когда находились подходящие невесты, они просто прекращали встречи с подругами. Многие женщины, способные вступить в брак, но незамужние, оставались без всяких надежд на то, что им когда-нибудь доведется выйти замуж за подходящего мужчину. В такой ситуации неопределенности некоторые женщины практиковали разные эротические и даже запретные наслаждения.

Коллективное желание римлян потакать своим страстям в ту эпоху переходило все границы. Граждане были одержимы развлечениями, толпами валили на пирушки и праздники, охотно посещали театры, спортивные состязания, цирки. Богатые римляне объедались, и их тут же выворачивало наизнанку на глазах у других собравшихся, причем такое поведение общество считало вполне допустимым. Уважаемые женщины, по вечерам возвращавшиеся домой, нередко становились свидетельницами пьяного разгула мужей, предававшихся разврату с куртизанками или проститутками. Даже сам добродетельный Август, создавший себе идола для

поклонения из собственной жены Ливии Друзиллы, имел вполне заслуженную репутацию развратника.

При Августе в Риме сосуществовали два стандарта – юридический и фактический. Как и Греция, Рим представлял собой рабовладельческую демократию, в условиях которой вся власть и права принадлежали только свободным мужчинам – и больше никому. Положение свободных женщин и вольноотпущенниц было значительно лучше положения рабов, но ни одна женщина, из какой бы богатой и могущественной семьи она ни происходила, не обладала даже малой частью тех прав, которые получал ее брат, став взрослым, и которыми в полной мере обладал ее отец.

Юридически вся власть в семье принадлежала отцам семейств – *pater familias*. При таком порядке женщина оказывалась в положении полного подчинения. Юридическая власть отца семьи – *patria potestas* – отражала лишь его собственные интересы, игнорируя при этом интересы его жены и детей – даже тогда, когда те выросли. Все начиналось с того, что новорожденного ребенка приносили к отцу и клали у его обутых в сандалии ног, чтобы он мог исполнить свое право фатального отбора. Если родитель поднимал хныкавшего мальчика с пола или приказывал накормить девочку, новорожденным даровалась жизнь. В противном случае младенцев душили, морили голодом, оставляли на склонах холмов или на берегах рек на растерзание диким зверям. Неудивительно, что такая участь гораздо чаще ожидала девочек, чем мальчиков.

Большинство беззащитных родившихся девочек погибало. Некоторых спасали сжалившиеся над ними посторонние люди. Других специально разыскивали, их ждало безрадостное детство, полное домашних трудов, а потом девочек продавали в рабство или – гораздо чаще – делали из них проституток.

Но дети, не обреченные на смерть сразу же после рождения, тоже не могли чувствовать себя в безопасности. Отец в любой момент мог продать их в рабство. Навлечь на себя гнев родителя было смертельно опасно: многие отцы сознательно лишали жизни раздражавших их отпрысков.

Замужество дочери не облегчало ее участь. Выбранный ей в мужа мужчина сменял отца, причем нередко это происходило тогда, когда она была еще ребенком. Если женщину уличали в супружеской измене, муж имел право ее убить. Он мог ее избить – даже до смерти, – если она пила вино. Если мужчина подозревал, что жена его пробовала вино (не в целях дегустации), он целовал ее, чтобы по запаху ее дыхания определить, пила она или нет; эти поцелуи получили название *ius osculi*. Вот в таких условиях оказывались свободные женщины, а положение вольноотпущенниц и рабынь было значительно более приниженым.

Сожительница – *concubina* – в Риме значительно уступала в правах жене. Свободная женщина или вольноотпущенница, она сожительствовала с мужчиной, не являвшимся ее мужем. Предполагалось, что мужчина не должен иметь и жену, и сожительницу – по крайней мере, одновременно. В этом заключался определенный смысл, поскольку сожительница мужчины, как правило, стояла ниже его на социальной лестнице. Поэтому он мог выгнать любовницу, если она рожала ему незаконных детей или если мужчина решал вступить в брак.

Вдовцы также предпочитали жить с любовницами, а не жениться снова. Такое положение не налагало на них никаких обязательств, а если сожительница рожала вдовцу детей, это не представляло никакой угрозы его законным отпрыскам в вопросе наследования. Вдовцам было значительно проще жить с любовницами, потому что ни они, ни их дети не могли предъявлять им никаких претензий, а после их смерти претендовать на наследство.

С другой стороны, сожительство имело и некоторые преимущества. С юридической точки зрения сожительницу нельзя было преследовать за измену, хотя от обвинений в разврате она защищена не была. В отдельных случаях мужчина мог обойти суровые римские законы и юридически усыновить или удочерить ребенка любовницы. Еще реже он мог на ней жениться.

Однако привилегированные римляне поступали так, будто неумолимых законов вообще не существовало. В отличие от Ливии Друзиллы, жены Августа, которая намеренно носила простые и достаточно скромные одеяния, новая женщина Рима не жаловала простоту, да и заботе о детях она уделяла далеко не все свое внимание. На деле уровень рождаемости тогда снижался из-за отравлений свинцом, из которого были сделаны в остальном замечательные городские водопроводы, а также из-за применения примитивных форм противозачаточных средств и аборт.

Представительницы знатных семейств в эпоху Августа начинали день отнюдь не с молитв, за которыми должны были следовать непрерывные хлопоты по дому. В то время привилегированная дама просыпалась с высохшей маской из муки с молоком на лице, которую накладывала перед тем, как лечь в постель. Рабыня приносила воду похожей на привидение госпоже, та ополаскивала лицо, а потом мочла в ванне, дожидаясь, когда придет *unctor* – «натирающий маслом» – с его притираниями. После того как массажист возвращал ее коже эластичность и придавал мышцам тонус, благоухающая ароматическими маслами дама одевалась и делала прическу, закалывая волосы, разглаживая их или завивая в кокетливые локоны. Потом она пудрила лицо, румянила щеки, красила губы, подводила веки и сурьмила брови. Последний штрих составляли ювелирные украшения с драгоценными камнями, привезенные со всех концов огромной империи: серебряные и золотые кольца, браслеты на ногах и на руках, ожерелья и броши.

Для женщин, которых привлекал этот новый, потворствующий людским слабостям стиль жизни, такой тщательный уход за собой составлял прелюдию сексуального приключения. Некоторые из них даже пытались подражать греческим гетерам. Август, который испытал потрясение и возмутился, узнав, что внебрачные интрижки интересуют женщин не меньше, чем его самого, стал решительным противником подобных любовных связей.

В таких условиях Август издал законы Юлия (18–17 гг. н. э.), предусматривавшие наказания за супружескую неверность, которая приравнивалась к уголовному преступлению и жестоко каралась. Но в измене можно было обвинить только замужних женщин, которые наставляли мужьям рога, и мужчин, которые вступали в половые отношения с замужними женщинами, а не мужей, развлекавшихся с незамужними любовницами. Вдовы и свободные незамужние женщины, которые вели сексуально активную жизнь, рисковали подвергнуться обвинению в разврате, менее тяжком преступлении. Эти новые законы были направлены на то, чтобы вынудить женщин – прежде всего представительниц высших слоев общества – выходить замуж или повторно вступать в брак, оставаясь при этом добродетельными, покорными и привязанными к домашнему очагу.

Однако, как нередко случается, когда вводятся чересчур строгие наказания, обвиненные в прелюбодеянии изменницы теряли половину наследства и треть собственности, а изменники половину собственности, и тех, и других ссылали на отдаленные острова, где принудительное исполнение закона практически было невозможно – на законы почти перестали обращать внимание. Август одержал лишь одну блистательную победу: он с успехом провел расследование, направленное против его собственной дочери – Юлии, одной из самых известных в Риме блудниц.

Великий римский поэт Овидий – аристократ, богатый и исключительно талантливый молодой человек, одержимый страстью к женщинам, любовью и сексом, – прекрасно вписывался в этот мир вседозволенности. В шестнадцатилетнем возрасте он вступил в первый из своих трех браков – женился на совсем молоденькой девушке, достоинство которой постоянно пытался принизить. В «Любовных элегиях», написанных, когда ему было двадцать три года, он представил читателю Коринну – свою своевольную, чувственную и неверную любовницу. Римляне восприняли его сочинение с небывалым энтузиазмом, некоторые из самых горячих поклонников Овидия исписывали его стихами стены общественных зданий. Вполне вероятно,

что содержание и огромный успех «Любовных элегий», наряду с другими обстоятельствами, побудили Августа принять пуританское законодательство.

До сих пор среди специалистов не прекращаются споры о том, кем на самом деле являлась женщина, представленная под условным именем Коринна. Больше всего будоражит воображение предположение о том, что любовницей Овидия была Юлия, непокорная и дерзкая дочь самого императора Августа, – однако доводы, подтверждающие эту гипотезу, весьма сомнительны. Но кем бы она ни была, Коринна как живая представлена на страницах бередящего душу произведения Овидия. Достаточно немного воображения, симпатии и проницательности – и мы готовы с ней познакомиться.

Необходимые для этого факты предоставляют нам «Любовные элегии». Коринна была немного старше Овидия, но значительно моложе своего мужа (поэт неприязненно называет его дряхлым старцем), причем изменяла она и тому, и другому. Ей еще не исполнилось и двадцати лет, когда она стала любовницей мужчины, с которым испытала первый оргазм. После этого она всегда злилась и расстраивалась, если во время полового акта партнер не доводил ее до пика чувственного наслаждения.

Коринна была тщеславной и самовлюбленной, но в то же время весьма привлекательной, она обожала пользоваться косметикой. Ее отличали выдержка, порывистость и страстность. Коринне нравилось дразнить Овидия и возбуждать в нем ревность.

Она привыкла жить в роскоши и потому избегала мужчин, у которых не хватало средств на то, чтобы поддерживать ее материально и делать ей дорогие подарки. Под предлогом того, что ей нравится участвовать в скачках, она флиртовала с наездниками. Коринна рисковала сама и стремилась заручиться поддержкой слуг, в частности своей горничной Нале, вовлекая ее в свои любовные интриги. Она любила молодого любовника-поэта, но он любил ее еще сильнее.

Может быть, на самом деле Овидий был влюблен в любовь, поскольку, уверяя Коринну, что одна она навеки будет его любовью, он прибавляет:

Стань же теперь для меня счастливою темою песен, —
Знай, что темы своей будут достойны они.
...Прославят и нас мои песни по целому миру,
Соединятся навек имя твое и мое⁴⁶.

Овидий был прав. Продолжительные отношения с Коринной в изобилии давали ему материал для создания настоящей мыльной оперы, в которой перемешались горе, экстаз, непонимание, интрига, опасность, угрозы, ложь и комичное удивление. «Любовные элегии» блестяще отразили тончайшие оттенки отношений в среде представителей римской элиты.

Давайте посмотрим, как Овидий накануне ужина в гостях, где будут присутствовать они с Коринной и ее муж, наставляет любовницу, как надо вести себя. «Только в последний бы раз он возлежал за столом!»⁷ – желает поэт мужу любовницы и просит ее прийти раньше супруга, для того чтобы она, как только тот «ляжет за стол», с невиннейшим видом легла рядом, но его, Овидия, «трогала тихонько ногой».

Потом Овидий предлагает Коринне обмениваться тайными знаками во время ужина и поясняет, что будет бровями красноречиво с ней говорить и что речь им будут заменять пальцы

---

⁴ Здесь и далее «Любовные элегии» Овидия цитируются по изданию: *Публий Овидий Назон. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии.* М.: Художественная литература, 1983. Перевод С. В. Шервинского. Перевод этого же отрывка с английского языка выглядит иначе: ... когда ты себя отдаешь мне, быть может, тогда мне даешь Предмет для творенья стихов. Мой дар вознесет этот стих, И он обессмертит тебя... Конечно, в стихах. Тогда нас с тобой, дорогая моя, узнает весь мир. И наших известность имен навек уподобят богам.

и чаши с вином. Если Коринна вспомнит их сладострастные забавы, пусть коснется щеки большим пальцем, а если захочет в чем-то его упрекнуть, пусть слегка притронется к уху.

В словах Овидия часто звучит жгучая ревность: если муж предложит вина, «вели самому ему выпить»; не принимай от мужа угощенья, которое он уже отведал; не позволяй ему обнимать тебя. Не позволяй его пальцам тянуться «к лону, к упругим грудям», говорит любовник, который сам совершал немало «дерзкого»: часто «в торопливой страстности» они с Коринной делали «под полой сладкое дело свое». Но это еще не все.

Главное дело, смотри: ни поцелуя ему!
Если ж начнешь целовать, закричу, что твой я любовник,
Что поцелуи – мои, в ход я пущу кулаки!

Для Овидия непереносима мысль о том, что муж Коринны «по закону» наслаждается близостью с ней. Он требует, чтобы любовница его «без ласковых слов, через силу» отдавалась мужу, если тому ближайшей ночью вздумается уединиться с ней, и чтобы любовь ее была скупой. Если же Коринне придется исполнить супружеский долг, поэт желает, чтобы муж ее не испытал наслаждения, «а уж тем более» она.

Овидий повествует о физической красоте Коринны, не останавливаясь перед описанием интимных деталей. Однажды в жаркий день, разморенный зноем, он прилег на постель в своем доме, и в этот момент к нему вошла Коринна «в распоясанной легкой рубашке», с тонкими, как паутинки, цвета кедровой древесины распущенными волосами, спадающими на белоснежные плечи, – такой же, по преданию, в спальню входила восточная царица или куртизанка высокого полета, знавшая любовь многих мужчин. Овидий срывает легкую ткань с любовницы, и ее тело «в безупречной красе» предстает перед его взором. Он перечисляет многочисленные прелести Коринны: это и изящные плечи и руки, и соблазнительные, жаждущие ласки полные груди, и гладкий живот, и пышный прямой стан, и юные крепкие бедра, и... Тут даже не обремененный условностями Овидий останавливается и просто добавляет, что «все было восторга достойно».

Но когда любовники бранились, насмешки Овидия могли стать жестокими, его острый ум и критический взгляд подмечали в Коринне пороки и недостатки. Она красила роскошные волосы составом, который поэт называет смесью из ядов, и с помощью «огня и железа» завивала их жгутом. От такого обращения они поредели и стали клочьями выпадать, так что, неохотно глядя на себя в зеркало, Коринна начинала горько плакать. Пока же ее волосы снова не приобрели природную прелесть, ей приходилось пользоваться париком из присланных из Германии волос пленных. А поэт еще и выговаривает ей: сама во всем виновата!

Потом Овидий описывал свое отношение к тому, что беременная Коринна втайне решила избавиться от плода, да так, что едва не умерла. Он вправе гневаться, однако его гнев меньше страха за любовницу, которая почти наверняка зачала от него. И поэт молит богов сохранить Коринне жизнь и просит ее больше никогда так не делать.

Овидий сильно досадовал, когда Коринна просила его о подарках. Ведь он своими стихами мог «славу доставить любой» – разве это не самый прекрасный дар, какой хотела бы получить каждая женщина? Но когда Коринна, обожавшая шелковые туники и золотые украшения, хотела получить от него более осязаемые доказательства привязанности, Овидию становилось противно до крайности. Прекрати досаждать мне своими просьбами, говорил он ей в таких случаях ледяным тоном. Я сделаю тебе подарок, но только тогда, когда мне самому этого захочется.

Когда им овладевал «буйный порыв», Овидий, как признается сам, мог оскорбить нежно любимых родителей и даже «удар нанести кумирам богов». Как-то раз он схватил Коринну за волосы и расцарапал ей лицо ногтями, а потом с ужасом увидел, как она в страхе «остолбенела», изумленная тем, как подобное могло случиться, потом затрепетала и разрыдалась. В

этот момент, почувствовав себя виноватым, поэт предложил любовнице отомстить, впиться ногтями ему в лицо, не щадить ни волос его, ни глаз. Коринна не желала это делать, и Овидий попросил ее: «Чтоб знаки стереть злодеяний моих, поскорее, / В прежний порядок, молю, волосы вновь уложи!»⁸

Овидия также занимала организация тайных ночных свиданий. Они с Коринной были прекрасными стратегами, но оставались беспомощными без посредничества Нале, служанки Коринны. Нале была их постоянной связной, передавала им друг от друга записки и нередко организовывала встречи, убеждая колебавшуюся Коринну посетить Овидия.

Несмотря на взаимную страсть, Коринна и Овидий изменяли друг другу с другими любовниками. Как-то в жуткую ночь Коринна не пустила Овидия к себе домой, а сама в спальне предавалась любви, пока он как привидение слонялся у ее жилища. Когда утром утомленный любовник Коринны на нетвердых ногах вышел из дома, он, к стыду поэта, заметил, что Овидий сторожил запертый дом. После ссоры или непродолжительного расставания Коринна приходила к Овидию, садилась к нему на колени, ерошила ему волосы и ласково упрашивала вернуться. Она была так прекрасна, что он всегда уступал. Пожалуйста, просил он ее в своих стихах, хотя бы кажись скромной, «зловредной молве» сама не разглашай свои похождения, не говори громко о том, «что свершалось в тиши». Ты слишком красива, чтобы быть добродетельной, потому что красота и добродетель несовместимы. Сотри следы поцелуев, причешись и застели постель перед тем, как меня принять.

Коринна была любовницей Овидия в течение нескольких лет, но потом прекратила их отношения. Почему? В «Любовных элегиях» есть намек на то, что она ушла от него к какому-то солдату – неотесанному мужлану, который существовал за счет каких-то незаконных махинаций. Может быть, она застала Овидия *in flagrante*⁵ с собственной мастерицей по прическам, которую он соблазнил, или чьей-то неудовлетворенной женой? Или, несмотря на хвастливый рассказ поэта о том, что как-то раз Коринна заставила его испытать девять оргазмов за ночь, у Овидия нередко пропадала мужская сила, что вполне могло быть вызвано отравлением свинцом знаменитых римских водопроводов?

Он сам не без иронии признавался:

Тщетно, однако, ее я держал, ослабевший, в объятьях,
Вялого ложа любви грузом постыдным я был.
Хоть и желал я ее и она отвечала желаньям,
Не было силы во мне, воля дремала моя.
...Все повторяла она, чем возбуждается страсть.
Я же, как будто меня ледящей натерли цикутой,
Был полужив-полумертв, мышцы утратили мощь.
Вот и лежал я, как пень, как статуя, груз бесполезный, —
Было бы трудно решить, тело я или же тень?⁶

Каковы бы ни были на то причины, Коринна навсегда исчезла из жизни Овидия, но не из гипотез историков, которые тщетно пытаются выяснить: кем же она все-таки была? что ей довелось пережить в качестве любовницы Овидия? какие чувства она испытывала, читая новое

⁵ *In flagrante delicto* (лат.) – поймать на месте преступления. Усеченная форма *in flagrante* нередко используется в качестве эвфемизма, когда речь идет о любовниках, застигнутых врасплох во время полового акта.

⁶ В переводе с английского языка этот фрагмент выглядит так: Когда сжимал ее в объятьях, он вялым был, как лист вчерашнего салата, — Пустой балласт в пустой постели супостата. Ее желал я, и она меня еще сильней хотела, Но плоть моя мужская не была способна делать свое дело. Лишая нас обоих наслажденья... Какое жалкое виденье! Я мертвым грузом там лежал, гнилым бревном, Себе казался призраком в несчастий своем.

сочинение ее бывшего любовника под названием «Наука любви» – назидательную поэму, предлагающую конкретные советы в любовных делах?

Представьте себе Коринну, сохранившую остатки былой красоты вдову средних лет, чей хворый старый муж недавно отошел в мир иной. «Наука любви» вызвала небывалый резонанс. Все друзья Коринны только об этом произведении и говорили, а самые близкие из них знали, что оно многим обязано буйным годам, когда Коринну связывали с Овидием любовные отношения. Конечно, ее поразили цинизм бывшего любовника, откровенное бесстыдство его расчетливого, рационального подхода к отношениям с любовницей – а ведь он с такой глубокой убежденностью говорил ей, что будет любить ее вечно! А теперь пал так низко, по сути дела, создал нечто вроде пособия, в первой и второй частях которого наставлял мужчин, где искать любовниц и какими средствами приобретать и сохранять за собой женскую любовь, а в третьей советовал женщинам, как им лучше привлечь к себе мужчин и сохранять их привязанность.

Как же реагировала на это искусшенная Коринна? Без негодования и даже без удивления, потому что всегда знала, что поэзия Овидия отражала его жизнь, что он брал на заметку каждый поцелуй, каждое возвышенное движение души, каждое возбуждающее прикосновение, каждый бурный оргазм. Коринна сознательно стала его любовницей, заранее зная правила игры. Как и тогда, когда вышла замуж за человека значительно старше нее, которого, возможно, выбрали ей в мужа родители, она ни во что не ставила такие ценности, как супружеская верность и воспитание детей, присущие римским матерям семейств в былые времена. Вместо этого она предпочла растрачивать долгие часы не обремененных заботами о детях дней в неистовстве праздников и иступленных наслаждениях, в частности на скачках, где наездники выглядели такими же холеными и лошеными, как их скакуны.

«Наука любви» должна была вызвать у нее ощущение дежавю, воскресить в памяти годы молодости, то время, когда она была любовницей Овидия. Все решает техника, так начал свое произведение Овидий, и Коринна, должно быть, понимающе кивнула, когда это прочла. Впервые, где искать себе любовницу? Театры, скачки, цирки, пиры, даже храмы предоставляли для этого прекрасные возможности. (Мы встретились на званом обеде. На мне была пурпурная шелковая туника, а волосы я заплела в косу, которую красиво уложила на голове. Ты сел рядом и все время не сводил с меня глаз.) Помни при этом, что женщины более похотливы, чем мужчины, и не могут противостоять действительно опытному и настойчивому поклоннику. (Как это верно, по крайней мере в том, что касается похоти. Но опыт и настойчивость оправдывают себя лишь отчасти, они, как ты мог понять в отношениях со мной, порой причиняют немало неприятностей.)

Заручись поддержкой ее служанки, подкупи ее, чтоб она помогала вам общаться друг с другом и шпионила за хозяйкой. (Ах, Нале, ты помнишь те времена?) Давай сумасбродные обещания, потрать немного денег. Соблазни ее красноречием, не отказывай себе в удовольствии писать ей длинные письма. (Как всегда, дешевка, правда, дорогой? Иногда тебе приходилось расплачиваться чистым золотом и изумрудами.) Одевайся опрятно, будь подтянутым и чистооплотным. Сделай вид, что выпил лишнего, и признайся ей в вечной любви. (Значит, я оказалась права, называя тебя лжецом! Только не поняла тогда, что на самом деле ты был трезв.) Не жалей для нее лести, умоляй со слезами на глазах. Если она запрет дверь, заберись на крышу и проникни в ее покои через окно в потолке или в стене. Потом – если она сама не сможет решиться – возьми ее силой, потому что женщинам очень нравится грубое обращение, и они могут обидеться, если ты позволишь им отбить твою атаку. (Выходит, в итоге ты так ничего и не понял. Ты презирал солдат, но на меня набросился с такой яростью, что от испуга я даже не смогла тебя прогнать.)

Если не можешь избежать ссор, улаживай разногласия в постели. (Мы с тобой в постели и ссорились, и мирились.) Если тебе нужно, целуй ей ноги. Когда занимаешься с ней любовью, очень важно, чтобы она тоже достигала оргазма или, по крайней мере, мастерски его симули-

рвала. (Значит, тебе совсем не нравится, когда оба любовника не достигают пика наслаждения? Интересно, что бы ты мне сказал сейчас обо всех тех ночах, когда, несмотря на все мои усилия, ты был как лист вчерашнего салата?)

В третьей части нашел яркое отражение неизменно высокомерный и снисходительный взгляд Овидия на женщин. Не пренебрегай своим внешним видом, поскольку немногим из вас присуща естественная красота. (Но ведь я была красавицей – и даже теперь не утратила привлекательности.) Особенно важны волосы. Делай элегантные прически, скрывай седые волоски и пряди, пользуясь краской или париком. (Мне все еще приходится полагаться на парик – мои чудесные кудри и теперь не переносят грубой краски.) Остерегайся запаха из подмышек и выщипывай волосы на ногах. Пользуйся румянами, пудрой, подводкой для бровей. Чисти зубы и следи, чтоб у тебя не пахло изо рта, иначе усмешка может стоить тебе любовника. Занимайся музыкой, стихосложением, танцами и играми. Играй азартно, но с холодной головой. Во время акта любви выбирай возбуждающие позы, шепчи запретные слова, стенай от исступленного наслаждения, только не открывай окна – наготу тела лучше всего оставлять в полутьме. (Но не моего, поэт, мое тело – само совершенство.)

Даже когда они пылали страстью друг к другу, Овидия мало волновало, как Коринна относится к его поэзии. Однако он опасался другого, потенциально опасного критика – самого императора Августа. Во 2 г. н. э., после того как тот осудил собственную дочь Юлию за прелюбодеяние и сослал ее на островок в Тирренском море, а десять лет спустя так же поступил с ее дочерью, Юлией Младшей, Август взялся за Овидия. Он обвинил лучшего римского поэта в поощрении супружеской измены и сослал его в отдаленный портовый городок Томы (на территории современной Румынии). Овидий провел остававшиеся ему десять лет жизни в постоянных просьбах и призывах, обращенных к влиятельным людям с тем, чтобы ему позволили вернуться, но Август был неумолим, и гонимый Овидий скончался в изгнании.

Если бы Коринна была тогда жива, наверное, ее потрясло бы известие о смерти Овидия. Как и большинство людей ее круга, она была не менее виновна в разврате. Однако Овидий привлек к себе внимание, став величайшим летописцем незаконной любви в римском мире, где процветали внебрачные любовные связи. А Коринна лишь предавалась в том мире пороку.

Сделав выбор в пользу наслаждений бездетной любовницы, Коринна восстала против навязанного ей в молодости договорного брака и стала жить так, как ей самой хотелось. Она решила отвергнуть старый Рим ради нового, постоянно искала наслаждений, требовала за свое очарование ценные подношения и пренебрегла материнством. Бравата и неуважение к обычаям прошлого возвышали женское начало Коринны и придавали ему смысл – пусть даже лишь в ее собственных глазах.

Долороза¹⁰

Исторический источник, в котором содержатся сведения о Долорозе – такое имя я придумала сожительнице с печальной судьбой, – описывает ее до крайности скупо, и на протяжении всей своей «Исповеди»¹¹ человек, позже получивший широкую известность под именем Августина Блаженного, ни разу не назвал подлинное имя этой женщины – женщины, которая прожила с ним пятнадцать лет и родила ему его единственного сына, Адеодата.

Отсутствие упоминания ее имени отнюдь не является свидетельством того, что Августин был к ней безразличен. И действительно, в своих произведениях он называет имя Моники, своей любимой матери, лишь один раз, хоть имена его лучших друзей, Аппипия и Небридия, встречаются достаточно часто, как и имена других мужчин. Для общества, в котором жил Августин, мужчины имели большее значение, чем женщины, существа во всех смыслах подчиненные и униженные. Тем не менее первую половину жизни Августин провел с Моникой и Долорозой, причем глубина и страстность его привязанности к ним обоим стала важнейшим фактором его становления как христианина, учителя, теолога и проповедника.

О детстве и отрочестве Долорозы нам ничего не известно. Первое документальное подтверждение ее существования относится к 370 г. н. э. – именно тогда она встретила с восемнадцатилетним Августином в Карфагене, где тот обучался красноречию. Он очень ее любил, причем гораздо дольше тех пятнадцати лет, что они прожили вместе. К сожалению, мы можем составить некоторое представление о жизни Долорозы до этой встречи лишь по аналогии с дошедшими до нас сведениями о детстве Августина.

Его отец, Патриций, был язычником, представителем гражданской аристократии в городе Тагасте на севере Африки (территория нынешнего Алжира). Он вел достойную жизнь, но неизменно испытывал недостаток в средствах, а потому вместе со своей женой Моникой постоянно был озабочен оплатой обучения их сына Августина – лучшего ученика городской грамматической школы, чья склонность к усвоению знаний намного превосходила способности его брата, Навигия, и сестры, которую звали Перпетуа.

В 371 г., проучившись год на окраине империи и потратив еще один на беспокоеное ожидание того, соберет ли Патриций достаточно денег для продолжения его обучения, Августин приехал в Карфаген ради завершения образования. Для молодого ученика риторической школы и его приятелей, съехавшихся в великий город со всей Африки, Карфаген представлялся чем-то вроде кипящего котла, в котором космополитизм и разврат были неотделимы от опасности и свободы. Августин связался с так называемым демоническим братством, иначе именуемым «Эверсор» – «разрушитель» или, если дать этому названию более подходящее современное определение, «нарушитель спокойствия». Члены «братства» издевались над приезжими и учителями, подвергая их злобным розыгрышам и насмешкам. Молодой человек часто посещал театры, в основном он ходил на трагедии, чтобы со слезами избавиться от собственной печали.

Еще Августина непрестанно одолевала похоть: в семнадцать лет он был «влюблен в любовь», его глодал «тайный голод». Он стремился к любовным приключениям, а позже вспоминал о том, как «очертя голову летел навстречу любви, страстно желая попасть в расставленные ею сети»¹². Августин был ревнив, подозрителен и боязлив, и эти качества нередко вызывали у него взрывы гнева и приводили к ссорам с приятелями. Он уже несколько месяцев так безнравственно и разнузданно проводил время, когда встретил покорную молодую Долорозу.

Именно тогда скончался Патриций, и бремя платы за учебу сына целиком легло на Монику. К тому времени Августин уже получил признание как лучший ученик, занимавшийся риторикой. Как и другие отличники из небогатых семей, он стал задумываться о выборе про-

фессии (в его случае – о прибыльной должности в имперской юридической административной службе), а также о дальнейшем развитии своих способностей и налаживании связей, которые помогли бы ему осуществить это намерение.

Долороза вполне вписывалась в намеченный им план действий. Даже в IV в., когда полным ходом шел процесс христианизации, ученики риторических школ, как правило, заводили себе сожительниц, которых позже – когда находили подходящую для женитьбы девушку – бросали. Такое положение не смогли изменить ни столетия, ни процесс христианизации. Сожителство представляло собой долговременный союз, причем для женщины он был моногамным. Сожительницами становились либо рабыни, либо женщины, стоявшие на более низкой ступени социальной лестницы, чем их любовники, не собиравшиеся на них жениться, и такой сословный подход поддерживали отцы христианской церкви. Как учили эти святые мужи, изгнание сожительницы (и ее детей) составляло шаг к моральному совершенствованию.

Тем не менее на сожительниц нередко смотрели как на «матерей семейств», и хоть у них не было прав в рамках тех отношений, в которых они состояли, их ни в коем случае не уподобляли отбросам общества. Долороза была настолько набожной и порядочной, что недавно овдовевшая Моника без колебаний решила на переезд к ним с Августином.

Позже Августин так писал о времени, прожитом с Долорозой: «В те годы у меня была женщина. Она не являлась моей партнершей в так называемом законном браке. Я сошелся с ней, когда меня обуревали страсти, а благоразумия не хватало»¹³. Долороза поняла и приняла такое положение вещей и потом до конца жизни хранила преданность Августину.

Нельзя не отметить, что далеко не все складывалось у них безоблачно. Их духовный мир был богат и насыщен, но вместе с тем между ними имели место серьезные религиозные расхождения. Как и Моника, Долороза неукоснительно следовала христианскому учению, поэтому принятие Августином манихейства – религиозно-философского учения, позже объявленного ересью, – должно было их серьезно беспокоить. Не меньшую важность представляла собой и другая проблема, а именно убеждение Августина в том, что он греховно похотлив и что каждый раз, уступая зову крови, он поддавался одолевающему его сексуальному искушению, в котором видел предательство собственной моральной чистоты.

После каждого полового акта его мучили угрызания совести из-за неумемной похотливости – «заразы плоти», которой он был одержим. Его страдальческие стоны и причитания огорчали и пугали Долорозу, верившую в то, что моногамные половые отношения ниспосланы человеку Господом для наслаждения. Августин же считал, что сожителство – это соглашение, заключенное мужчиной и женщиной ради удовлетворения похоти, а потому в сожителстве не следует иметь детей. Долороза с ним не соглашалась, по крайней мере в начале, и, скорее всего, отказывалась пользоваться противозачаточными средствами. В результате, когда Августину было девятнадцать лет, Долороза родила сына, которого назвали Адеодат, то есть «посланный Богом». Это имя пользовалось популярностью среди карфагенских христиан. Адеодат оказался незапланированным и нежеланным (как позже писал Августин) ребенком, но, как только мальчик появился на свет, он стал в семье общим любимцем.

На протяжении последующих тринадцати лет Августин, Долороза и Адеодат счастливо жили вместе. В отличие от Патриция, который изменял жене и даже не делал тайны из своих внебрачных любовных походов, Августин хранил подруге верность, что было большим достоинством в эпоху широко распространенных мужских измен. По его словам, он встретился с Долорозой в тот период жизни, когда в нем бурлили чувства и когда его одолевало неумемное половое влечение, и, тем не менее, «она была единственной», и он «хранил ей верность».

Как и Моника, Долороза, скорее всего, не получила образования, но обладала природным умом, который помогал ей постоянно отстаивать свою позицию в противостоянии с высоким интеллектом Августина и его друзья ми-мужчинам и, дружбой с которыми он дорожил больше, чем отношениями с ней; позволял адекватно воспринимать его сетования на то, что ее

сладострастие не дает ему возможности сосредоточиться на занятиях философией; примирял с его манихейством и смятением, охватывавшим его, когда он рассуждал о своем будущем; и, конечно, давал возможность совладать с проблемами, связанными с воспитанием маленького Адеодата и переездом к ним Моники.

Однако в целом положение Долорозы нельзя было назвать плохим. Августин вполне преуспевал на поприще преподавания риторики, что давало ему неплохой заработок и обеспечивало им с подругой достаток, хотя он жаловался ей на трудности в работе со своенравными карфагенскими учениками. Августин никогда не изменял Долорозе с другими женщинами, он души не чаял в Адеодате, одаренном и послушном ребенке. Переехавшая к ним Моника была настроена весьма дружелюбно, их с Долорозой объединяли общие религиозные убеждения и беспокойство по поводу заблуждений Августина. К тому же Моника обожала своего замечательного внука.

Тем не менее жизнь Долорозы с Августином и его матерью имела свои теневые стороны. Проповедники манихейства учили, что бездетное сожителство менее греховно, чем внебрачная связь, приводящая к рождению детей, и потому после рождения Адеодата Августин стал настаивать, чтобы Долороза применяла противозачаточные средства. Несмотря на любовь к сыну, его мучило чувство вины за то, что ребенок был зачат в грехе, и Августин постоянно открыто об этом говорил. Он ни разу не упомянул о Долорозе как о матери Адеодата, называя ее лишь своей сожительницей. Кроме того, с друзьями и матерью – причем зачастую, видимо, в присутствии Долорозы – он обсуждал возможность своего брака, но не с Долорозой, а того, который надо будет заключить ради продвижения по общественной лестнице.

Любовь Моники была всепоглощающей – как вспоминал Августин, его отличавшаяся строгим благочестием мать следовала за сыном и по суше, и по морю, желая жить с ним рядом, – и присутствие ее становилось навязчивым. Понимая ее и принимая такой как есть, он стремился к независимости или, по крайней мере, хотя бы к небольшой передышке, которая позволила бы ему отдохнуть от подавлявшего его присутствия Моники. В 383 г., прожив с Долорозой уже более десяти лет, Августин перешел к решительным действиям. Однажды ночью он с Долорозой и Адеодатом тайно отправился через море в Рим. Для Долорозы, его сообщицы, такой совместный побег мог быть чреват последствиями, причем весьма неприятными.

Рим не оправдал их ожиданий. Августин обзавелся многочисленными почитателями, но вскоре выяснил, что римские ученики тоже далеко не ангелы: они брали, что считали нужным, у одного преподавателя, а потом дружно переходили к другому.

Разочарованному Августину, который к тому же испытывал финансовые трудности, пришлось обратиться к его римским знакомым из числа манихеев с тем, чтобы они помогли ему получить должность публичного оратора в Милане, куда он раньше наведывался и где слушал Амвросия Медиоланского (которого стали почитать как святого вскоре после его смерти). Они познакомились, однако великий проповедник скептически отнесся к молодому ритору с резавшим слух африканским выговором. Тем не менее громадный авторитет и популярность Амвросия убедили Августина в том, что его собственное будущее связано с Миланом. Вскоре он отошел от манихейства и стал сторонником христианского неоплатонизма. Спустя некоторое время из Карфагена приехала Моника и обосновалась в новом доме Августина и Долорозы. Нет никаких сомнений в том, что Долороза, как и Моника, была очень рада обретению Августином новых религиозных убеждений, составлявших основу их веры, но следующий этап становления его собственных взглядов не мог ее не расстроить.

Сначала беспрестанно обсуждался вопрос о том, как женитьба на какой-нибудь богатой наследнице может помочь одаренному, но небогатому Августину сделать блистательную карьеру. Августин постоянно колебался: с одной стороны, он прислушивался к доводам своего лучшего друга Аппипия, который говорил, что брак не даст возможности воплотить в жизнь их

проект создания монастырской общины, члены которой стремились бы к постижению мудрости; с другой – сам он свято верил в то, что брак может стать для него самым лучшим способом достижения профессионального успеха. Моника убеждала сына в том, что брак подготовит его к принятию крещения, которое смоет с него все грехи, и стала активно заниматься поисками достойной Августина невесты.

Возражала ли Долороза против этих планов или, скрепя сердце, соглашалась с Моникой? Позже Августин писал о ней как о женщине, подчинившей свою волю его решениям и принявшей их без возражений. Но при этом она не могла не страдать: они пятнадцать лет прожили вместе, воспитывая сына, и потому Долороза не могла не печалиться, не могла не горевать со слезами на глазах (даже если пыталась скрыть это от других), что жизнь ее оказалась разбитой.

Тем временем Моника с Августином настойчиво и целенаправленно занимались поисками соответствовавшей его планам невесты. Вскоре они нашли подходящую кандидатуру – юную девушку, которая «достаточно понравилась» Августину, чтобы он попросил ее руки. Родители одиннадцатилетней девочки согласились, и состоялась помолвка, хотя из-за детского возраста невесты нужно было ждать свадьбы еще около двух лет. Однако продолжавшееся пребывание Долорозы в доме Августина, в его постели и в сердце его могло сильно расстроить будущих тестя с тещей, если бы те об этом узнали. Поэтому Долороза вдруг превратилась в пресловутую ложку дегтя в бочке меда, и от сожительницы потребовалось избавиться. Августин дал ей это понять, хотя возможно, это сделала Моника.

Долороза приняла печальную новость со смирением и покорностью, сцен она устраивать не стала. Ради будущего материального и духовного благополучия Августина она согласилась добровольно покинуть их общий дом, в котором отныне стала лишней. Что она чувствовала, кроме мучительного горя, навсегда прощаясь с любимым Августином и своим единственным ребенком (в отличие от большинства других мужчин, расстававшихся с сожительницами, Августин решил оставить своего незаконнорожденного сына у себя)? Какие слова утешения произносила Долороза, когда говорила с Адеодатом, укладывая вещи перед разлукой?

Долороза отправилась в родную Африку одна, дав обет никогда больше не связывать жизнь с другим мужчиной. Ее отъезд разбил Августина сердце, превратив его в кровоточащую рану (по его собственным словам), и хоть неумная похоть заставила его завести другую сожительницу в ожидании любовных утех с подраставшей будущей супругой, он никогда не оправился от удара, вызванного утратой Долорозы. Потом случилось так, что с ним говорил Бог, воспретивший Августину заниматься любовью с сожительницей и заставивший его еще раз подумать о матримониальных планах. Реакция Августина последовала незамедлительно: он дал обет безбрачия.

Мы можем предположить, что последствия разрушенной любви оказались для Августина такими же трагичными, как и для Долорозы, ведь он так и не смог оправиться от этого удара. Он расторг помолвку с юной невестой и целиком посвятил себя служению церкви, став выдающимся духовным деятелем. Но до конца дней Августин продолжал оплакивать свою утерянную возлюбленную. Их отношения вполне могли продолжаться на протяжении всей жизни, если бы Августин не испытывал отвращения к своей неумной похоти, усугубленного его личными амбициями, которые вынудили его отречься от сожительницы, принадлежавшей к более низкому сословию.

Поскольку Августин ничего не сообщает о кончине Долорозы, можно предположить, что ее одинокая жизнь продолжалась. Впрочем, он писал лишь о собственных муках, собственных переживаниях, собственных страданиях. Августин не оставил упоминаний о том, пытался ли он что-то узнать о первой, любимой сожительнице, посылал ли ей деньги, известил ли ее о смерти шестнадцатилетнего Адеодата. А Долорозе должно было быть известно, что в 389 г. Августин вернулся в Африку, два года спустя был рукоположен в священники, а с 396 г. стал епископом Гиппона. Наверное, она чувствовала глубокое удовлетворение от того, что он, как

и она, неуклонно придерживалась основ христианского учения, а также потому, что Августин столь высоко поднялся по ступеням церковной иерархии.

Спустя века обращение в христианство Августина все еще ставят в заслугу Амвросию, а не той женщине, которая на протяжении пятнадцати лет убеждала его сделать этот шаг. Следовало бы воздать должное огромному вкладу любимой подружки Августина в его духовное становление, а она осталась в истории незамеченной и безымянной. Нам известно лишь то, что она была сожительницей Августина.

Примечания автора

¹ Самым важным источником этого раздела является Книга Бытия, главы 16–25. Я пользовалась *The New Oxford Annotated Bible* (New York: Oxford University Press, 1989), а также следующими статьями, которые поясняют, уточняют и развивают соображения относительно соответствующего раздела Книги Бытия: John Otwell, *And Sarah Laughed: The Status of Women in the Old Testament* (Philadelphia: Westminster Press, 1977); Savina J. Teubal, *Hagar the Egyptian: The Lost Tradition of the Matriarchs* (San Francisco/New York/Grand Rapids: Harper & Row, 1990); Phyllis Trible, *Texts of Terror* (Philadelphia, USA: Fortress Press, 1984); John W. Waters, «Who Was Hagar?» в *Stony the Road We Trod: African American Biblical Interpretation*. В Книге Бытия, 16:1-16, 21:8-21 излагается драматическая история Агари в нескольких стихах, остающихся в высшей степени спорными, поскольку ученые продолжают дискуссии относительно их истинного значения. Они включают новое прочтение библейских текстов, действовавших тогда юридических документов и законов, а также скрупулезный анализ, сравнение и деконструкцию текстов. Я читала, размышляла и – не без доли волнения – пришла к собственному пониманию этого неясного образа, смутная тень которого будоражит умы уже много веков. (В статье Phyllis Ocean Berman «Creative Hadrash: Why Hagar Left», *Tikkun* 12, [март – апрель 1997], 21–25, сказано, что автор и студенты, с которыми она училась в еврейской школе, слушали «историю соперничества между Сарой и Агарью не единожды, а два раза в год во время циклов чтения Торы». Нет ничего удивительного в том, что образ Агари и поныне продолжает завораживать и привлекать такое пристальное и порой гнетущее внимание.)

² Основными источниками этого раздела являются: <http://langmuir.physics.uoguelph.ca/aelius/hetairai.html>; Shannon Bell, *Reading, Writing & Rewriting the Prostitute Body* (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1994); Eva Cantarella, пер. Maureen B. Fant, *Pandora's Daughters: The Role and Status of Women in Greek and Roman Antiquity* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987); James N. Davidson, *Courtesans and Fishcakes: The Consuming Passions of Classical Athens* (London: HarperCollins, 1997); Nancy Demand, *Birth, Death and Motherhood in Classical Greece* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994); Robert Flacelieve, *Love in Ancient Greece* (London: Lrederick Muller Ltd., 1960); Rojer Just, *Women in Athenian Law and Life* (London, New York: Rutledge, 1989); Eva C. Keuls, *The Reign of the Phallus: Sexual Politics in Ancient Greece* (New York: Harper & Row, 1985); Jill Kleinman, «The Representation of Prostitutes Versus Respectable Women in Ancient Greek Vases». Дополнительные материалы можно найти в Интернете по адресу: <http://www.perseus.tufts.edu/classes/JKp.html> (1998, 6 августа); а также в Hans Licht, *Sexual Life in Ancient Greece* (London: George Rutledge & Sons, Ltd., 1932); Sarah B. Pomeroy, *Goddesses, Whores, Wives, and Slaves: Women in Classical Antiquity* (New York: Schocken Books, 1975).

³ Bell, 32–38, трактует смысл содержащихся в «Менексене» упоминаний об Аспазии как о преподавателе, составлявшем многочисленные политические речи, которые произносили публично ее ученики, включая Перикла.

⁴ Madeleine Mary Henry, *Prisoner of History: Aspasia of Miletus and Her Bibliographical Tradition* (New York: Oxford University Press, 1995), 44, цитаты из Цицерона и Квинтилиана, где отражен этот эпизод.

⁵ Основными источниками этого раздела являются: Richard A. Bauman, *Women and Politics in Ancient Rome* (New York: Routledge, 1992); Eva Cantarella, пер. Maureen B. Fant, *Pandora's Daughters: The Role and Status of Women in Greek and Roman Antiquity* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987); Jane F. Gardner, *Women in Roman Law and Society* (Bloomington: Indiana University Press, 1986); Ellen Greene, *The Erotics of Domination: Male Desire and the Mistress in Latin Love Poetry* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998); Mary R. Fefkowitz and Maureen B. Fant, *Women's Life in Greece and Rome: A Source Book in Translation* (2-е издание) (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1992); Sara Mack, *Ovid* (New Haven: Yale University Press, 1988); Ovid, *The Erotic Poems*, пер. и ред. Peter Green (New York: Penguin Books, 1982); Sarah B. Pomeroy, *Goddesses, Whores, Wives, and Slaves: Women in Classical Antiquity* (New York: Schocken Books, 1976); Ronald Syme, *History in Ovid* (Oxford: Clarendon Press, 1978); John C. Thibault, *The Mystery of Ovid's Exile* (Berkeley: University of California Press, 1964); F. P. Wilkinson, *Ovid Recalled* (Cambridge: Cambridge University Press, 1955).

⁶ Овидий, пер. и ред. Peter Green, «Любовные элегии. Книга первая», в *The Erotic Poems*, 89.

⁷ Там же, 89.

⁸ Там же, 97.

⁹ Овидий, «Любовные элегии», III, 7, в *Latin Lyric and Elegiac Poetry: An Anthology of New Translations*, ред. Diane J. Rayor и William W. Batshaw (New York: Garland Publishing, 1995).

¹⁰ Основными источниками этого раздела являются: Antti Arjava, *Women and Law in Late Antiquity* (Oxford: Clarendon Press, 1996); St. Augustine, *Confessions* (Fondon: Penguin Books, 1961); Gerald Bonner, *St. Augustine of Hippo: Life and Controversies* (Fondon: SCM Press Ptd., 1963); William Mallard, *Language and Love: Introducing Augustine's Religious Thought Through the Confessions Story* (University Park: Pennsylvania: Pennsylvania University State Press, 1994); Margaret R. Miles, *Desire and Delight: A New Reading of Augustine's Confessions* (New York: Crossroad Publishing Co., 1992); Kim Power, *Veiled Desire: Augustine on Women* (New York: Continuum Publishing Co., 1996).

¹¹ Мемуары Августина стали важнейшим источником для посвященного Долорозе раздела так же, как жизнеописания Перикла и сочинения Овидия – при написании разделов об Аспазии и Коринне.

¹² Bonner, 54.

¹³ Power, 98.

ГЛАВА 2

Восточные наложницы и гаремы

НАЛОЖНИЦЫ В КИТАЕ

Юйфан
Мэй-Йин

НАЛОЖНИЦЫ В ЯПОНИИ

Дама Нидзё

ГЕЙШИ

НАЛОЖНИЦЫ ГАРЕМА

Роксолана
Цыси

В странах Востока сожительство во многом напоминало брак, признавалось законом и принималось обществом. Развитие внебрачных отношений было обусловлено нежеланием мужчин довольствоваться лишь одной сексуальной партнершей и соответствовало их стремлению бахвалиться своей мужской силой и богатством, выставляя напоказ обладание другими женщинами, помимо жены. Такая узаконенная неверность могла существовать лишь в обществах, где безраздельно господствовали мужчины. Но даже при этом условии существование в отдельных семьях такого рода отношений, когда мужчина приводил в свой дом новую женщину, желая жить с ней супружеской жизнью, требовало хотя бы минимального их приспособления к потребностям как законных жен, так и наложниц. Поэтому законы, определявшие правила сожительства, были направлены на то, чтобы защитить жен от эмоционального предательства мужей, а наложниц – от возмездия со стороны эмоционально незащищенных жен. Самое важное различие между наложницами и любовницами состояло в том, что дети наложниц признавались законными.

НАЛОЖНИЦЫ В КИТАЕ¹

«Как печально быть женщиной! Ничто на земле не ценится так дешево», – жаловался китайский поэт III в. Фу Сянь².

В Древнем Китае всю жизнь женщин до мельчайших деталей строго регламентировали господствовавшие там отношения патриархата, что лишало представительниц слабого пола индивидуальности, не предоставляя им никакого выбора. С глубокой древности до современности китайские женщины неизменно находились в подчиненном положении на протяжении периодов правления всех сменявших друг друга династий. Условия жизни китаянок претерпели радикальные изменения лишь под влиянием революционных движений XX в., в результате которых старый уклад жизни был разрушен.

На протяжении двух тысячелетий духовная жизнь и социально-политическая структура китайского общества в основном определялись положениями конфуцианства – этико-политического и религиозно-философского учения, разработанного мыслителем и философом Конфуцием (551–479 гг. до н. э.). В период правления династии Хань (206–220 гг. н. э.) оно получило статус официальной идеологии. Конфуций учил, что семья составляет основу всего общества, но при этом полагал, что в интеллектуальном плане женщины неполноценны. Законы, на которые оказало влияние конфуцианство, требовали от жен подчинения мужьям, от дочерей – отцам, от вдов – сыновьям, а в целом женщины должны были быть покорны мужчинам.

Буддизм, зародившийся в Индии в VI в. до н. э., позже получил распространение и в Китае, соперничая там с конфуцианством. Буддизму не удалось разрушить устои традиционного китайского образа жизни, основывающиеся на философии Конфуция, и к IV в. эти системы сосуществовали, оказывая влияние друг на друга. Постепенно распространившийся в Китае буддизм также принижал роль женщин на том основании, что они более сладострастны, чем мужчины, и воля их слабее, чем у мужчин. И конфуцианство, и буддизм укрепляли образ жизни, при котором женщины подчинялись мужчинам, а их своенравная натура подавлялась.

Как и греки с римлянами, китайцы принимали рождение девочек без особого энтузиазма, нередко появление в семье дочерей вызывало у них недовольство. Маленькая девочка считалась лишним едоком, которого требовалось кормить, а семья ее не имела от этого никакого прока. Потом девушка выходила замуж и работала на мужа, либо ее продавали – она становилась наложницей или *муи тунг*, то есть рабыней, – причем нередко семья получала при этом меньше денег, чем затрачивала на то, чтобы ее вырастить. Так зачем ей было жить, этому воплощению утраченной возможности, если с того момента, как она появлялась на свет, от нее не было никакой пользы? А если девочке удавалось выжить в младенчестве, зачем было давать ей имя? Ведь она – лишь временный член семьи, и жить ей предстояло в другом месте, под крышей дома чужого мужчины. Поэтому на протяжении долгих столетий многих дочерей в Китае чаще просто нумеровали, вместо того чтобы давать им имена: «девочка номер один», «девочка номер два». Благодаря исследованиям психологов, работавших с заключенными, мы знаем, насколько подобная система деморализует человека. В Китае такое пренебрежительное игнорирование личности распространялось и на женщин, имевших имена, поскольку почти во всем остальном их положение ничем не отличалось от участи их нумерованных сестер.

Наложницы в Китае составляли часть семейной структуры, имевшей исключительно большое значение. Наложницам отводилась четко определенная роль, на них возлагались конкретные обязанности. Они исполняли дополнительные функции жен и имели собственный статус – весьма скромный, но четко определенный. Люди относились к ним без того презрения, какое испытывали к шлюхам, их воспринимали иначе, чем прекрасно образованную Аспизию,

благочестивую Долорозу или подобных им других женщин Древней Греции и Древнего Рима, хотя китайские мужчины нередко находили себе наложниц в домах терпимости.

Некоторым наложницам, которым особенно везло, мужчины выделяли отдельные жилища, хотя большинство делили кров хозяина с его женой, детьми, слугами и, нередко, с другими наложницами. Это обеспечивало им определенную безопасность, но вместе с тем приводило к сложным и зачастую напряженным отношениям между обитателями дома. Благополучие и счастье наложницы обычно зависело от ее умения сориентироваться в хитросплетении домашних интриг, а также – в прямом смысле слова – от сексуальной политики.

Иметь наложниц в Китае было весьма престижно. Чем больше наложниц мог себе позволить содержать мужчина, тем уважительнее к нему относились. Наложницы служили подарками, которые получали чиновники или женихи. Вместе с тем все знали, что порядочная женщина никогда не станет наложницей, «в сраме отданной мужчине без свадьбы или церемонии»³.

Когда жена не могла отвлечься от исполнения обязанностей по дому, наложница сопровождала хозяина в деловых поездках. Важнее было то, что, когда его жена не могла производить потомство, наложница рожала ему наследников. Рождение сына хозяину обеспечивало определенные привилегии даже наиболее бесправной наложнице. В этом случае рабыне больше не грозило быть проданной по малейшей прихоти любого домочадца, занимавшего более высокое положение в семье.

Хоть китайская наложница имела юридический статус, прав у нее было мало, а обязанностей много. Когда она изменяла господину с другим мужчиной, ее обвиняли в прелюбодеянии, и если хозяин заставал ее в этот момент, он мог убить и ее, и ее любовника. Другими наказаниями являлись, соответственно, семьдесят семь и восемьдесят семь ударов бамбуковой палкой, кроме того, прелюбодеи могли утопить в некоем подобии корзины, служившей для перевозки на рынок свиней. В отличие от убийства жены, убийство наложницы влекло за собой лишь легкое наказание.

Мужчины могли расставаться с наложницами, пройдя процедуру, схожую с разводом, а наложницы – по крайней мере, в теории – могли покинуть своих хозяев. Хозяин традиционно обладал правом обвинения наложницы в семи «грехах», являвшихся причинами для расставания, включая ее непристойное поведение и чрезмерную болтливость. Наложница имела право сослаться лишь на три причины, в частности на отсутствие дома, куда бы она могла вернуться, что часто служило намеком на бедность хозяина.

Происхождение наложниц было таким же разнообразным, как происхождение их хозяев. Некоторые принадлежали к уважаемым семьям, отцы которых, отдавая дочерей в наложницы, получали определенную выгоду. Многие из них были *муи-жаис* – рабынями, брошенными или проданными обнищавшими или разорившимися родителями. Нередко перед тем, как их обучали соответствующим навыкам и продавали в наложницы (с очень приличной или даже грабительской выгодой), эти женщины работали в публичных домах или занимались уличной проституцией⁴.

Критерии выбора жен и наложниц были очень разными. В отличие от жен, общественное положение и поведение наложниц большого значения не имело, но сожительницы должны были обладать необходимыми навыками работы по дому либо быть искусными в искусстве любви и – если мужчина имел возможность выбора – физически привлекательными. Когда ревнивая или осмотрительная жена либо влиятельная наложница имели право влиять на выбор, они отдавали предпочтение самым неприглядным *муи-жаис*, чтобы те никогда не могли угрожать их собственному положению.

При продаже в наложницы *муи-жаис* выставляли напоказ как товар в соответствии с обычаем *шоу-ма*. Он заключался в том, что девушка должна была пройти перед потенциальными покупателями, демонстрируя им свои достоинства, поговорить, показать лицо, руки и –

главное – босые ноги. В Китае придавали большое значение форме и виду женской ножки, особенно ее размеру. Обращали внимание и на неповторимый запах тела потенциальной наложницы: сначала проверяли запах изо рта и чистоту дыхания, потом запах подмышек (покупатели их обнюхивали), а после этого – иногда – запах из влагалища. Туда могли ввести и вынуть финик, чтобы клиент получил возможность обнюхать его или лизнуть.

Однажды восхитительный ароматный запах тела оказался причиной того, что наложница превратилась в легендарную личность. И по сей день Сяньфэй – «благоухающей наложнице», жившей в XVIII в. в период правления шестого маньчжурского императора династии Цин, – посвящаются литературные и музыкально-драматические произведения. Сказочное благоухание Сяньфэй исходило из самых глубин ее естества, и потому ей не требовалось пользоваться ни духами, ни пудрой. Маньчжурский император, очарованный ее природной красотой, приказал похитить женщину у мужа и привезти ее в императорский дворец. Во время путешествия Сяньфэй каждый день натирала душистыми маслами и купали в верблюжьем молоке, чтобы она не утратила свой дивный аромат.

Сяньфэй не ответила взаимностью на восторженные чувства императора. Вместо этого она спрятала в спускавшиеся до земли рукава маленькие кинжалы и по секрету призналась служанке, что собирается воспользоваться ими для мести за похищение у любимого мужа и за то, что ее увезли из родного края.

Тогда, опасаясь за безопасность сына, в дело вмешалась вдовствующая императрица-мать, даровав Сяньфэй «благоволение смертью» через удушение. Глубоко охваченный горем император обнял ее безжизненное тело. Даже после смерти от Сяньфэй исходило благоухание.

Во внебрачных любовных отношениях с мужчинами обычных (и развратных) женщин не было ни романтики, ни героики. Как правило, жизнь наложницы отчасти напоминала домашний арест, при котором она сосуществовала с другими, соперничавшими с ней обитательницами дома – женой, остальными наложницами, даже со служанками, причем все они постоянно ссорились между собой и плели бесконечные интриги друг против друга. На кону состояла безопасность, точнее говоря, ее отсутствие. Поскольку все зависело от их мужа или хозяина, все женщины соперничали в борьбе за его внимание и благосклонность, будто участвовали в изнурительном забеге, призом в котором было достижение стабильно высокого положения, – так что каждая из них стремилась ослабить позиции соперниц. Самый верный способ добиться этой цели для наложницы состоял в том, чтобы родить хозяину мальчика.

В небогатых хозяйствах наложница проводила дни в тяжелой домашней работе, ее постоянно изводили и унижали неустанно наблюдавшие за ней жена хозяина или другие, соперничавшие с ней наложницы. В богатых домах время для наложниц текло медленно и однообразно, проходя в домашних заботах, уходе за собой, сплетнях и нескончаемой игре в маджонг. Борясь со скукой, наложницы часто курили опиум. Их партнеры поощряли такую практику, потому что пристрастившиеся к опиуму женщины были менее раздражительны и более покорны.

В Китае внебрачное сожитительство практиковалось столетиями, и за это время наложницами становились миллионы женщин, но, как часто случается с простыми людьми, лишь единицы из них оставили записи о своей жизни. Некоторые – такие как «благоухающая наложница» XVIII в. – остались жить в легендах. Другие, жившие в XIX и начале XX в., сохранились в памяти детей и внуков. Лишь немногие оказались способны предоставить в распоряжение исследователей и писателей документы и воспоминания. Двумя такими наложницами, поделившимися своими воспоминаниями, стали Юйфан, жившая в Китае, и Мэй-Йин, которая недолгое время жила на содержании мужчины в Китае, а потом эмигрировала в Канаду.

Юйфан

Юйфан родилась в пятый день пятой луны в начале лета 1909 г. в юго-западной Маньчжурии, бурлившей многочисленными волнениями и беспорядками, в 250 милях к северо-востоку от Пекина. Она была очаровательной девочкой с овальным личиком, румяными щечками и светлой кожей. Иссиня-черные блестящие волосы, заплетенные в толстую косу, спускались ей до пояса.

Главным достоинством Юйфан были крошечные ножки, которые ей по обычаю с детства бинтовали, чтобы ступни не увеличивались в размере. Детского размера забинтованные ножки считались признаком элегантности, гарантией покорности и свидетельством красоты. Кроме того, она была скромна и всегда хорошо себя вела. В качестве наложницы она стояла достаточно, чтобы ее отец смог удовлетворить честолюбивую мечту всей своей жизни – обзавестись собственными наложницами. Он вступил в переговоры с генералом Сюэ, военачальником и шефом полиции, и вскоре Юйфан оказалась на попечении генерала.

Юйфан повезло, потому что генерал Сюэ не привез ее в дом, где жил с женой и другими наложницами. Он поселил ее в отдельном доме вместе со слугами и симпатичной кошкой, с которой любила играть Юйфан. Генерал, выделявший средства на ее содержание, часто приезжал и занимался с ней любовью. Он предлагал ей курить опиум, но не принуждал к этому девушку. Оставаясь в одиночестве дома, Юйфан коротала время, читая стихи и романы, ухаживая за розами в саду, забавляясь с кошкой. Генерал Сюэ позволял юной наложнице ходить в оперу и навещать родителей, хотя она к этому не стремилась. Когда Юйфан однажды со слезами на глазах пожаловалась отцу, что не имеет почти никаких прав на своего любовника, тому это сильно не понравилось.

Вскоре опасения Юйфан оправдались: генерал Сюэ перестал к ней навещать. На протяжении шести лет Юйфан жила в одиночестве. Иногда генерал писал ей, всегда присылал деньги, но Юйфан была безутешна: она постоянно горевала и печалилась, скорбя из-за его необъяснимого отсутствия, все время вспоминала проведенные вместе часы, пытаясь понять, что с ним произошло. В один прекрасный день он снова к ней приехал, как будто и не было шести лет разлуки, и опять занимался с ней любовью.

Спустя месяц Юйфан, к большой своей радости, поняла, что забеременела. Родив их с генералом дочь, она по его указанию назвала девочку Баоцин. Год спустя генерал Сюэ распорядился, чтобы Юйфан вместе с Баоцин переехала в особняк, где он жил с женой и другими наложницами. С болью в сердце Юйфан подчинилась.

В новом доме все тайные страхи Юйфан стали явью. Как только она переехала, слуга отнял у нее Баоцин и передал девочку госпоже Сюэ, которая решила воспитать ее как собственную дочь. Баоцин запретили называть Юйфан мамой, и теперь привязанность и нежность ребенка принадлежали лишь госпоже Сюэ. Более того, Юйфан обязали впредь относиться к Баоцин с таким же подобострашием, как и к госпоже Сюэ.

Юйфан в одночасье превратилась во второстепенную наложницу, положение которой мало чем отличалось от участи служанки. Госпожа Сюэ шпыняла ее по всякому поводу. Еще больше ее печалило то, что престарелый генерал Сюэ был при смерти. Лишь теперь Юйфан отчетливо поняла, почему он так внезапно снова появился в ее жизни. Бездетный, со слабым здоровьем, он с женой решил, что Юйфан даст жизнь его позднему ребенку.

Вскоре судьба Юйфан должна была оказаться в полном распоряжении сильно ее недолго любившей госпожи Сюэ. Ради того, чтобы избавиться от родной матери Баоцин, та, вполне возможно, решила бы продать Юйфан какому-нибудь состоятельному мужчине или даже в публичный дом.

Несчастную женщину спас генерал Сюэ. Перед смертью он велел жене вернуть Юйфан независимость. Госпожа Сюэ уважила его просьбу и отправила Юйфан в родительский дом, куда та вступила как на минное поле. К этому времени ее мать проиграла борьбу за власть и влияние двум наложницам, которых ее муж приобрел на деньги генерала Сюэ и к которым стал относиться гораздо лучше, чем к ней. Объединившись, наложницы держали в страхе всех домочадцев, включая недавно вернувшуюся Юйфан. Завершение ее истории, в отличие от многих других, оказалось счастливым. Не страдавший предрассудками друг семьи был поражен ее красотой и женился на ней, избавив от жалкого прозябания.

Мэй-Йин⁵

В 1907 г., за два года до рождения Юйфан, в провинции Квантунг в Южном Китае родилась Лён Мэй-Йин. Умерла она почти через шестьдесят лет в канадской провинции Британская Колумбия. Благодаря ее внучке Денизе Чонг, автору трогательных и вместе с тем обстоятельных воспоминаний «Дети наложницы: история китайской семьи, члены которой живут в разных концах мира», печальная история жизни Мэй-Йин стала доступна читателям.

Семья Мэй-Йин была не настолько бедной, чтобы топить или еще как-то избавляться от новорожденной девочки. В четыре года она была уже настолько смышленной, что не позволила матери бинтовать себе ноги, нарушив обычай, соблюдение которого могло еще в детстве позволить ей стать невестой. Вместо этого ее продали как служанку. В возрасте семнадцати лет, когда уже можно было выходить замуж, хозяин перепродал ее в качестве наложницы Чан Саму – имевшему дочь женатому крестьянину, которому понадобилась спутница в Канаде, где он работал, стремясь скопить денег, чтобы по возвращении в Китай улучшить условия жизни своей семьи.

Мэй-Йин пришла в ужас. Она считала, что порядочная девушка не может стать наложницей, но для нее единственным выходом из такого положения могло стать только самоубийство. Мэй-Йин выбрала жизнь и на пристани в Ванкувере впервые встретила с Чан Самом. Он пригласил ее на обед и сказал, что в течение двух лет ей придется работать официанткой в закусочной, чтобы он мог вернуть деньги, взятые им в долг и потраченные на ее билет до Канады. Мэй-Йин испытала потрясение и пришла в негодование: по традиции в Китае к официанткам относились немногим лучше, чем к проституткам. Начало новых отношений оказалось для нее безрадостным.

Но Мэй-Йин пользовалась популярностью среди посетителей и получала неплохие чаевые. Она походила на куколку: ниже пяти футов ростом, худенькая, как стебель бамбука, с тонкими чертами напудренного лица, из-за чего казалась бледной, с выщипанными бровями и красиво уложенными густыми волосами.

Когда Мэй-Йин исполнилось девятнадцать лет, у них с Чан Самом родилась дочь, получившая имя Пин, а еще через год – вторая дочка, Нан, что расстроило Мэй-Йин так же, как ее собственное появление на свет в свое время огорчило ее мать. Вскоре небольшая семья надолго вернулась в Китай. Чан Саму хотелось успокоить и подбодрить свою жену, Хуанбо – та лишь недавно узнала, что у него есть наложница, – и сказать ей, что все они будут счастливо жить под одной крышей.

Сразу же после встречи женщины повздорили: властная Мэй-Йин начала давить на податливую Хуанбо и отказалась выполнять свою часть работы по дому. Для сохранения мира в доме Чан Сам отправил Мэй-Йин в школу и решил обзавестись второй наложницей, чтобы та помогала в работе по хозяйству. Узнав об этом, Мэй-Йин объединила усилия с Хуанбо, вынудила Чан Сама отказаться от его намерения и заставила изменить решение. Хотя обычно он спал с Хуанбо, вскоре от него забеременела Мэй-Йин. Она убедила Чан Сама в том, что его первый сын должен родиться в Канаде и получить преимущества канадского гражданства. Он

согласился с тем, что Пин и Нан должны остаться в Китае с Хуанбо, которая, будучи законной женой Чан Сама, считалась их матерью.

Вернувшись в Канаду, Мэй-Йин безмерно расстроилась, когда родила еще одну дочку – мать Денизы Чонг, Инь, позже ставшую известной под именем Винни. Отношения родителей Инь быстро ухудшались. Экономика Британской Колумбии серьезно пострадала во время Великой депрессии, причем особенно сильно кризис ударил по китайским кварталам. Пока Мэй-Йин работала официанткой, чтобы поддерживать канадскую и китайскую части семьи Чан Сама, тот безуспешно искал работу. Однажды Мэй-Йин просто сбежала от него, не сказав ни слова и оставив на него маленькую дочку.

Однако далеко ей убежать не удалось. Чан Сам нашел ее в закусочной и напомнил о ее обязанностях наложницы. Мэй-Йин вернулась домой. Но теперь ее уже не устраивало положение наложницы, которое почти ничего не давало ей, но требовало от нее немало, и скоро она стала выпивать и играть в азартные игры с посетителями закусочной, которые относились к ней с большой симпатией. Стремясь отдохнуть от неустанного надзора и постоянных нравоучений Чан Сама, Мэй-Йин уговаривала его съездить в Китай, где он мог бы зачать сына, рождения которого хотела вся семья. Он согласился, и она заплатила за его билет, одолжив деньги в счет будущей зарплаты.

Вернувшись в свое селение, Чан Сам с Хуанбо принялись строить новый дом на деньги, которые им высылала Мэй-Йин, нередко удовлетворяя их постоянные запросы за счет того, что брала в долг у хозяина закусочной и на комиссионной основе продавала лотерейные билеты. Чан Сам и Хуанбо ее за это не благодарили – ничего другого они от нее и не ждали.

Однако Мэй-Йин не собиралась жертвовать собой, тем более что нудный Чан Сам спокойно жил себе в Китае. Она стала занимать больше денег, лучше одеваться, продолжала играть, а время от времени ненадолго уезжала отдохнуть и расслабиться в Викторию, столицу Британской Колумбии.

Мэй-Йин все больше и больше втягивалась в азартные игры и через некоторое время серьезно к ним пристрастилась: она уже не могла удержаться от того, чтобы играть на будущую зарплату, нередко ее проигрывая. В конце концов ее долг стал слишком большим, и в обмен на него или просто за деньги она начала оказывать посетителям закусочной услуги сексуального характера.

Но это было еще не самым плохим. В 1937 г. Чан Сам решил вернуться в Канаду, оставив Хуанбо, Пин, Нан и своего недавно родившегося сына Юэня в Китае. Когда мальчик появился на свет, семья не столько радовалась этому, сколько печалилась, потому что у долгожданного ребенка были сильно деформированы ноги: при взгляде на Юэня создавалось впечатление, что сам он хочет двигаться вперед, а ноги собираются нести его в обратном направлении. (Жившей в Канаде Мэй-Йин так хотелось иметь сына, что она пыталась превратить в мальчика Инь, собственную дочь: девочка ходила в штанах с коротко остриженными волосами.)

Несмотря на проблемы с деньгами, пристрастие к игре и необходимость зарабатывать, оказывая сексуальные услуги, Мэй-Йин была очень рада той личной свободе, которую обрела во время длительного пребывания Чан Сама в Китае. Их новая встреча очень скоро привела к печальным последствиям. Он осуждал ее за то, что она часто проигрывала, курила, много пила и сорила деньгами, а также «все более настойчиво пытался оказывать на нее моральное давление».

Мэй-Йин ни в грош не ставила его скарденность (например, на обед Чан Сам брал себе миску риса, приправленную томатным соусом или вареньем), злилась на то, что он пытался ее воспитывать, на конфуцианские афоризмы, которые тот постоянно повторял, на стремление во всем ее контролировать.

Как-то раз Чан Сам застал Мэй-Йин в квартире другого мужчины. Она окончательно его бросила, взяла с собой Инь и переехала в Нанаймо, город на острове Ванкувер. Чан Сам

воспринял известие об этом без особых эмоций, ведь «Мэй-Йин продолжала оставаться его наложницей; единственной разницей было то, что теперь они жили раздельно». Сердце его принадлежало Хуанбо, и потому измена Мэй-Йин никак не сказалась на его чувствах. Кроме того, он знал, что его наложница, как и раньше, будет посылать деньги в Китай для поддержания семьи.

Мэй-Йин продолжала работать официанткой и играть в азартные игры, но пила теперь столько, что ее постоянно выворачивало наизнанку. Злость и досаду на то, во что она превратила собственную жизнь, Мэй-Йин вымещала на Инь, систематически избивая девочку и всячески изводя ее другими способами. «Чтоб ты подохла!» – постоянно повторяла она в сердцах, обращаясь к дочери.

Через какое-то время Мэй-Йин познакомилась с мужчиной, к которому относилась с уважением. Чоу Гуен был неглупым человеком, кризис конца 1920-х – начала 1930-х годов обошел его стороной. Они с Мэй-Йин сошлись, их отношения продолжались многие годы. Гуен, жена и дети которого жили в Китае, не содержал Мэй-Йин, он педантично вел учет всех денег, которые ей одалживал. Но он помог любовнице получить то, что она больше всего хотела, – сына, который заботился бы о ней в старости. Китайские мальчики для усыновления были большой редкостью, они стоили в десять раз дороже девочек, и Мэй-Йин пришлось заплатить триста долларов за малыша Гок-Лена, которого позже стали называть Леонард.

Изменившиеся обстоятельства жизни Мэй-Йин – снизившаяся после Великой депрессии зарплата, двое детей, Гуен – усилили ее неприязнь к Чан Саму и стремление к независимости. Завидев Чан Сама на улице, она нарочито не обращала на него ни малейшего внимания, к тому же Мэй-Йин запретила Инь называть его *баба*⁷, якобы потому, что «он не твой отец». Она перестала давать ему деньги, и теперь ему самому приходилось платить за обучение Инь в школе.

В 1939 г. Мэй-Йин переехала в Ванкувер, где жил Гуен, пристроила Гок-Лена в дом к престарелой супружеской паре и сняла комнату, где поселилась вместе с Инь. Гуен был ее любовником, но он поставил ей обязательное условие для сохранения их отношений: она должна была сама снимать себе жилье и оплачивать все свои расходы.

Чан Сам, тосковавший по Хуанбо и страдавший от унижения, которое причиняла ему дурная репутация Мэй-Йин в китайской общине, решил, что из чувства собственного достоинства ему следует «развестись» с ней. «Это я привез ее сюда из Китая. И по традиции [Чоу Гуен] должен попросить у меня разрешения вступить с ней в связь».

Мэй-Йин была вне себя от гнева. «У меня на пальце нет кольца», – парировала она. А у Чан Сама, в отличие от его наложницы, кольцо на пальце имелось, поскольку он был женат. Чан Сам захотел продать свою непокорную и строптивую наложницу. Он сказал Мэй-Йин, что за право обладать ею Чоу Гуен должен ему заплатить три тысячи долларов.

«Я не продаюсь!» – огрызнулась Мэй-Йин. Чоу Гуен никогда не заплатит ему и цента, и она сама будет решать, как распорядиться собственной жизнью. Решение ее свелось к тому, что она продолжала пить и играть, закладывая, а потом выкупая свои украшения, и третируя дочку, смертным грехом которой был ее презренный пол. При этом она продолжала любить Гуена.

Однажды Чан Сам принес Мэй-Йин страшную новость о смерти их дочери Нан. Мэй-Йин передала свои соболезнования Хуанбо и написала старшей дочери Пин: «Больше мне не пиши. У меня сердце разрывается от горя». После этого она навсегда прервала связь с китайской частью семьи, из-за которой много лет ей приходилось поддерживать связь с Чан Самом.

Жизнь Мэй-Йин теперь текла по заведенному распорядку. Она постоянно искала все более дешевое жилье, переезжая из одной комнаты в другую. Через некоторое время после

⁷ Так по-китайски произносится слово «папа».

переезда она брала к себе детей. Как-то раз она решила обосноваться на одном месте всерьез и даже купила кое-какую мебель, в частности небольшое подержанное кресло для Инь. Позже в их жизни вновь появился Чан Сам, но теперь уже в качестве случайного знакомого: время развлекло их с наложницей былую неприязнь.

Инь постоянно беспокоили долги матери и неустроенность ее жизни с Гуеном, с которым та продолжала встречаться. Мэй-Йин настолько дорожила отношениями с ним, что иногда оставляла дочь без присмотра, желая следовать за любовником в другие места, куда он уезжал. Но даже в этом случае поздней ночью ей всегда приходилось возвращаться в свою комнату. Где же в такой ситуации, спрашивала себя Инь, были гордость и достоинство матери? В конце концов, ради избавления своей маленькой семьи от постоянной бедности, Инь поступила в медицинское училище, чтобы выучиться на медсестру. Там ей, азиатке, пришлось столкнуться с постоянными насмешками, нападками и издевательствами. Каждый месяц она посылала Мэй-Йин чек на 105 долларов – свою зарплату. Та его обналичивала и отправляла дочери обратно пять долларов на расходы.

Когда Инь, теперь называвшая себя Винни, обручилась, Мэй-Йин потребовала за невесту выкуп в пятьсот долларов и заручилась обещанием дочери воспитывать Гок-Лена, который уже стал Леонардом, в обмен на ее родительское благословение. Выкуп за невесту она получила, но жених Винни наотрез отказался заботиться о Леонарде. Мэй-Йин пришлось с этим смириться, и она подарила дочери традиционный свадебный подарок: пуховое одеяло и две подушки, а в придачу к ним купленный в рассрочку комод из кедра.

Мэй-Йин продолжала пить, ссориться с людьми, перестала следить за собой, ухаживать за сыном, за домом, даже любимый Гуен заботил ее теперь гораздо меньше, чем раньше. Она связывалась с Винни лишь тогда, когда ее охватывало отчаяние. Гуен ее бросил, сказав, что не даст ей ни цента, даже если она будет умирать от голода.

Через какое-то время она переехала к Винни, но постоянная потребность Мэй-Йин в выпивке и деньгах на ее приобретение создавали в семье невероятное напряжение. Как-то раз она пожелала Винни смерти, и та с горечью ей ответила: «Ты едва не забила меня до смерти; почему ты раньше не привязала меня к телеграфному столбу и не запорола насмерть? Тогда мне не пришлось бы пережить столько горя, сколько выпало на мою долю!»

Когда Мэй-Йин отказалась выехать из дома, муж Винни перенес ее в свою машину и отвез в китайский квартал к Чан Саму. Заключив между собой перемирие, они с Чан Самом на время ополчились против Винни. Потом вновь стали жить порознь. Чан Сам умер в 1957 г. от рака.

Жизнь Мэй-Йин продолжала катиться по наклонной: она так же пила, жила в отвратительных условиях, иногда нанималась на сезонную работу по сбору фруктов и овощей. Время от времени они с Винни встречались, вплоть до 1967 г., когда Мэй-Йин погибла в автомобильной аварии.

В отчете следователя было написано, что на момент смерти рост Мэй-Йин составлял четыре фута и девять дюймов, а вес – без малого девяносто фунтов⁸. Наследство ее тоже оказалось ничтожным: 40 долларов и 94 цента, закладная на нефритовые безделушки, склянки с высушенными травами и кашемировый свитер, подаренный ей Винни. Не особенно печаленный ее смертью Гуен дал на похороны пятьдесят долларов, но сам на траурную церемонию не явился. С рождения обреченную нуждой и полом на тяжелую жизнь, Мэй-Йин погребли неподалеку от Чан Сама – как и при жизни, она и после смерти была от него отделена.

---

⁸ Соответственно 1 м 45 см 40 кг.

НАЛОЖНИЦЫ В ЯПОНИИ⁶

В отличие от Китая, в древней аграрной Японии женщин ценили, хотя не до такой степени, чтобы предоставить им равные с мужчинами права. Богинь, входящих в пантеон анимистической синтоистской религии, там высоко чтити, и когда богиня солнца Аматэрасу-омиками, «великое божество, озаряющее небеса», послала с небес внука править Японией, была основана правящая императорская династия.

Японцы также поклонялись синтоистским богиням, которые не отказывали себе в удовольствиях и пускались в многочисленные любовные похождения⁷. Сладострастие этих богинь являлось божественным доказательством того, что физическая близость дана для радости и удовольствия и женщины могут вступать в сексуальные отношения и наслаждаться так же, как и мужчины. В результате во времена господства синтоизма в Японии женщины наравне с мужчинами без особых проблем могли выражать свои сексуальные предпочтения и пристрастия. Лишь в среде самураев, военно-феодалного дворянского сословия, бытовали ограничения сексуального характера. Даже в наши дни в основе национальной культуры лежит почтительное отношение японцев к сексуальным отношениям.

Культура Японии раннего периода, благоволившая к женщинам, положительно воспринимала женщин-правительниц. От древних легендарных времен, когда еще не существовало письменных документов, до XII в. женщины пользовались авторитетом и занимали должности, обеспечивавшие им немалую власть. Период с 522 по 784 г., например, остался в памяти народа, потому что правительницы оказывались у власти так же часто, как правители. По иронии судьбы, как раз в это время некоторые исключительно влиятельные женщины стали насаждать в Японии чужеродные верования, которые позже оказали глубокое влияние на синтоизм, а порой даже подменяли его положения. Императрица Суйко (годы правления: 593–628) преуспела в распространении корейского варианта буддизма, появившегося в Японии не менее чем за пятьдесят лет до начала ее правления, и покровительствовала буддийскому искусству. Две другие известные императрицы – Комио (годы правления: 729–749) и ее дочь и преемница Кокэн (годы правления: 749–758) – также получили известность как ревностные проповедницы буддизма.

Со временем японское общество усвоило присущее буддизму пренебрежительное отношение к женщине. Укоренились новые, двойные стандарты поведения. Права женщин стали нарушаться во всех областях жизни. Императрица Дзито (годы правления: 687–697) курировала составление японского законодательства при создании кодекса Тайхо, изданного в 701 г. Задачей кодекса, включавшего 30 разделов, являлось, в частности, оформление и уточнение налоговой и надельной систем. Согласно 9-му разделу, в котором определялись размеры подушного надела, свободная женщина могла получить лишь две трети нормы, полагавшейся мужчине. В XV в. кланы землевладельцев разработали «домашние законы», установившие правила, которые узаконивали подчиненное в юридическом и социальном плане положение женщин. Другие законодательные и социальные акты требовали от невест до вступления в брак хранить девственность, в то время как женихам полагалось обладать опытом сексуальных отношений.

В популярном пособии XVII в., посвященном роли женщины, отмечалось, что девушкам следует быть добродетельными, целомудренными, покорными и спокойными. Женщине вменялось в обязанность «смотреть на супруга своего как на повелителя», ей «надлежало служить ему с почтением и уважительностью, воспринимая его серьезно и без презрительности»⁸.

Однако женщинам, выданным замуж по воле родителей, не предписывалось ни любить своих мужей, ни преклоняться перед ними. Спустя столетия для брака в Японии все еще харак-

терен прагматический подход, что делает внебрачные связи более соблазнительными, чем в обществах, традиции которых требуют от супругов взаимной любви.

Покорным, но не чувствующим к мужьям особой привязанности женам из процветающих семейств нередко приходилось делить свои дома или, по крайней мере, мужей с одной или несколькими наложницами. К XVII в. модель сожителства, распространенная среди буддистов в Китае и Корее, уже в значительной степени прижилась и в Японии, причем ее участники следовали детально разработанным правилам.

Очень часто между женами и наложницами не существовало никаких противоречий. Сожителство было широко распространенным явлением, и многие девочки – будущие жены – вырастали в домах, где жили наложницы. Нередко они сами были дочерьми наложниц. И жены, и наложницы отлично знали правила игры и прекрасно сознавали, какие последствия их ждут за неисполнение этих правил.

Положение наложниц соответствовало статусу слуг, и они никогда не могли достичь положения жены. Даже если наложниц хотели взять в жены вдовцы или холостяки, им запрещалось это делать. Если наложницу поселяли в доме хозяина, она была обязана повиноваться его жене, никогда не посягая на занимаемое ею положение. Теоретически жены должны были предварительно одобрять выбор мужьями наложниц. Женщины с достаточно сильным характером, чтобы осуществлять это право на деле, жили с наложницами в согласии. Что касается более слабых женщин, то, несмотря на гарантии супружеского статуса, они могли погрязнуть в нескончаемых междоусобных дрязгах с волевыми наложницами, которые имели о себе слишком высокое мнение.

Обзаводившиеся наложницами мужчины руководствовались при этом самыми разными соображениями: ими двигали соображения престижа, или сексуальное влечение, или романтическая любовь, но главное, они стремились получить наследника в том случае, когда жена не могла зачать ребенка. Бесплодие женщины давало ее мужу юридическое право на развод, но от такой крайней меры ее могла спасти наложница супруга, которая была в состоянии выполнить эту обязанность за нее. По этой причине многие жены испытывали радость, если в их доме появлялись способные к деторождению молодые наложницы.

Одно из наиболее распространенных названий наложницы – *мекаке* – означает «заимствованная утроба». Сын мекаке, зачатый от хозяина, не считался ее сыном. Жена его отца растила мальчика как собственного ребенка, а отец признавал его наследником. Его родная мать оставалась в семье на правах служанки, причем в этом же качестве она прислуживала и собственному сыну. Впервые рожденного ею ребенка мекаке видела на тринадцатый день после его появления на свет, когда вместе с другими слугами наносила официальный визит хозяевам, чтобы принести дань глубокого уважения маленькому господину, своему будущему хозяину.

Многие отцы семейств заводили для себя наложниц исключительно по эротическим причинам. Мужчина мог даже влюбиться в красивую молодую женщину и содержать ее в отдельном жилище, чтобы жена не докучала ей своими требованиями и не возникало соперничества с другими наложницами, которые прежде пользовались его благосклонностью. Если жена обвиняла его в том, что к наложнице он относится лучше, чем к ней, в дело могла вмешаться ее семья и потребовать возвращения приданого. Раздельное проживание потенциальных соперниц имело к тому же немалый экономический смысл. Однако в большинстве семей хозяин считал, что правила сожителства являются достаточной гарантией для мирного сосуществования, которое будет благоприятно сказываться на его авторитете и сделает его жизнь спокойной и удобной.

Дама Нидзё⁹

Как и во многих подобных случаях, большинство японских наложниц жили и умирали, не оставляя после себя никаких документальных свидетельств. Но одна исключительная женщина составила подробные записи с описаниями впечатлений, которые ей довелось пережить в качестве наложницы при японском императорском дворе. Дама Нидзё не выступает от имени миллионов своих менее удачливых сестер, но когда читаешь повествование о ее жизни «Признания дамы Нидзё», захватывает дух, потому что она была так наблюдательна, откровенна и вместе с тем настолько поглощена собственными чувствами, что в ее автобиографию были ненамеренно внесены сатирические нотки.

В XIII в., когда ей было четыре года, маленькая Нидзё попала ко двору «прежнего» императора Го-Фукакусы сразу после смерти своей несовершеннолетней матери Дайнагонноскэ. Го-Фукакуса – болезненный и застенчивый молодой человек с деформированным бедром – значительно уступал как правитель своему привлекательному и уверенному в себе младшему брату Камэяме, но какое-то время ему очень нравилась Дайнагонноскэ. Часть неразделенной любви к ней он перенес на ее шаловливую, симпатичную маленькую дочку, и в 1271 г. Го-Фукакуса с согласия отца взял девочку себе в наложницы. Тогда Нидзё было лет двенадцать-тринадцать, она как раз достигла того возраста, в котором девочки вступали в мир взрослых, выходили замуж или становились наложницами. Го-Фукакуса был старше ее на тринадцать лет.

Нидзё не особенно печалилась по поводу кончины матери и не очень переживала из-за того, что в одночасье кончилось ее детство. В то время девушку больше всего волновали наряды – как окружавших ее людей, так и собственные. В остальном, если не считать этого наваждения, она была девушкой культурной, начитанной, занималась музыкой, рисованием и всерьез гордилась своими стихами (по большей части весьма посредственными).

В качестве наложницы Го-Фукакусы Нидзё проявила себя как искушенная представительница постоянно интриговавших и соперничавших друг с другом придворных, где изрядно злоупотребляли *саке*, непрестанно занимались любовью, а также музыкой и стихосложением. Она была очень живой и одаренной молодой женщиной. Вскоре у нее родился сын, которого Го-Фукакуса признал официально, хоть ему было известно, что его наложница имеет много других любовников. Он даже как-то убедил ее совратить верховного жреца Ариаке, несмотря на то (а может быть, именно потому) что тот дал обет безбрачия.

Вместе с тем молодая наложница допустила несколько промахов, которые омрачали ее успехи. После кончины отца, который оставил молодую женщину без покровителя и наставника, Го-Фукакуса не торопился сделать ее официальной наложницей.

Дама Нидзё также переоценила свою неотразимость. Поскольку Го-Фукакуса терпимо относился к ее кратковременным любовным связям с другими мужчинами, она опрометчиво попыталась выдать его за отца троих детей, которых зачала от других мужчин. (Один из любовников совратил ее «словами, [которые] вызвали бы слезы даже у корейского тигра», с нежностью вспоминала она.) Вместе с тем дама Нидзё явно не проявляла интереса к Го-Фукакусе. Этого не могла изменить ни смерть их младенца-сына, ни высокомерие, вызвавшее неприязненное отношение к ней со стороны императрицы Хигаси, жены Го-Фукакусы. Даже поглощенная собой, дама Нидзё обратила внимание на то, что супруга императора не испытывала к ней того дружелюбия, которое было ей свойственно раньше.

И последним просчетом дамы Нидзё стало ее романтическое увлечение Камэямой – младшим братом Го-Фукакусы, которому император сильно завидовал. Через двенадцать лет Го-Фукакуса внезапно прогнал свою наложницу. Во время их последней мучительной встречи на даме Нидзё была изящная накидка из блестящего шелка с красным капюшоном, а на кимоно выделялись вышитые синей шелковой нитью изображения корня маранты и кортадерии. Рас-

ставшись с ней, Го-Фукакуса вышел из помещения, пробурчав себе под нос: «Как же я ненавижу корень маранты!»

Через некоторое время дама Нидзё смирилась с утратой привязанности и уважения императора. «Как он мог быть таким бесчувственным?» – спрашивала она себя. Несмотря на то что она долго была (неверной) наложницей, Го-Фукакуса отказал ей в материальной поддержке. Даме Нидзё едва удалось избежать нищеты: чтобы заработать на жизнь, ей приходилось выступать со своими стихами, давать советы относительно внутреннего убранства жилищ – в общем, добывать средства к существованию любыми доступными способами. В это же время она стала буддийской монахиней, правда не совсем обычной, так как много путешествовала и встречалась с самыми разными людьми.

После семи лет странствий во время посещения одного святилища дама Нидзё неожиданно встретила Го-Фукакусу. (Он тоже совершал паломничество к святым местам.) На ней было изношенное монашеское одеяние – пыльное, обтрепанное и неопрятное, а сопровождал ее в странствиях горбатый карлик. Но Го-Фукакуса, тем не менее, ее узнал, и они провели всю ночь в ностальгических воспоминаниях. «Теперь любовь уже не имеет такого очарования, как в былые времена», – вздохнул он. Так, по крайней мере, писала дама Нидзё о его чувствах.

Несмотря на обычный финал своей жизненной истории, дама Нидзё, никогда не страдавшая избытком скромности, решила, что было бы интересно ее записать. Она оказалась права. Ее воспоминания стали одним из редких свидетельств любовных связей наложницы, ее мыслей и восприятия событий, а также обстановки при японском императорском дворе XIII в., где ей довелось прожить немало лет, и реалий повседневной борьбы за выживание среди простых японцев.

В воспоминаниях дамы Нидзё нашли отражение половая распущенность японской аристократии, откровенный прагматизм вельмож, их социальный снобизм и мудреные придворные ритуалы. Она разделяла распространенные тогда взгляды на любовь как на интимную игру, в которой имели значение романтика и поэзия, но никак не верность партнеру. И при дворе императора, и в доме преуспевающего торговца наложницы не имели той защиты, какой отличалось положение жен, – зато им часто была доступна эмоционально бурная и эротически разнообразная любовь. Что касается любви материнской, дама Нидзё была типичной придворной матерью-наложницей, жизнь ее проходила вдали от детей, за которыми следил отец и которых воспитывали слуги.

Но дама Нидзё была исключением в других отношениях, а именно в том, что оставила пространные воспоминания о своей жизни и проявила удивительную стойкость в борьбе с превратностями судьбы. Как ни странно, она сменила положение наложницы на тяжкую участь бродяжки-попрошайки без всякой жалости к самой себе, не впав при этом в отчаяние. Несомненно, в этом проявилась ее замечательная способность к преодолению жизненных невзгод. А может быть, дама Нидзё почувствовала облегчение от того, что в конце концов ей удалось избавиться от ограничений и неестественности положения придворной наложницы и перестать делать вид, что она любит непривлекательного, в чем-то даже отталкивающего Го-Фукакусу.

ГЕЙШИ

Отражением двойных стандартов в Японии служил не только институт наложниц и соответствовавшая ему структура семьи. Как и во многих других обществах, этот двойной стандарт распространялся и на широко практиковавшуюся проституцию. Проститутками в основном становились девушки из бедных семей: родители продавали их для занятия этой профессией. В период сёгуната Камакура (1185-1333 гг.) началось осуществление надзора за проститутками, а в годы правления сёгунов Асикага (1338–1573 гг.) была образована специальная служба, ведавшая налогообложением проституток. В эпоху сёгуната Токугава (XVII–XIX вв.) в этом направлении были сделаны следующие шаги, в ходе которых в Японии возникли широко известные кварталы удовольствий – лицензированные, чем-то напоминавшие зоопарки гетто для проституток, которые потрясли – и вместе с тем позже возбуждали – толпы зарубежных визитеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.